Я и Оно

Автор:
Зигмунд Фрейд

Я и Оно

Зигмунд Фрейд

Эксклюзивная классика (АСТ)

Психоаналитическое эссе «Я и Оно» посвящено одной из самых таинственных областей человеческой психики – взаимодействию сознательного и бессознательного. Фрейд раскрывает изощренные механизмы, с помощью которых «Оно», олицетворяющее глубинный уровень бессознательных влечений, управляет нашим сознательным «Я», создавая при этом иллюзию, будто «Я» самостоятельно принимает решения. В сборник также вошли работа «По ту сторону принципа удовольствия», в которой автор рассуждает о парадоксальном «влечении к смерти», заложенном в каждом живом существе, и эссе «Моисей и монотеизм».

Зигмунд Фрейд

Я и Оно

По ту сторону принципа удовольствия

I

В теории психоанализа мы без колебаний соглашаемся с тем, что ход ментальных процессов автоматически регулируется принципом удовольствия, то есть мы считаем, что эти процессы всегда запускаются неприятным напряжением, а дальше принимают такое направление, чтобы конечным результатом стало уменьшение этого напряжения – либо за счет избегания напряжения, либо за счет порождения удовольствия. Такой подход к изучаемым процессам предусматривает применение экономического принципа. Мы имеем в виду представление, которое использует экономический момент в дополнение к топическому и динамическому моментам; тем самым, как нам представляется, мы даем и самое полное из возможных описаний, каковое вполне заслуживает того, чтобы его назвали «метапсихологическим».

Нас не интересует, насколько мы, приняв на вооружение принцип удовольствия, приблизились или, более того, примкнули к какой-либо уважаемой исторически устоявшейся философской системе. Мы пришли к нашим спекулятивным допущениям, пытаясь описать наши наблюдения и согласовать их с имеющимися фактами. Приоритет и оригинальность не являются самодовлеющей целью психоаналитической работы; однако примеры, поддерживающие идею о принципе удовольствия, настолько очевидны, что их невозможно оставить без внимания. С другой стороны, мы будем очень признательны, если кто-либо предложит философскую либо психологическую теорию, объясняющую роль удовольствия и неудовольствия, управляющих всеми нашими поступками. К сожалению, такой теории пока нет.

Следует заметить, что здесь мы сталкиваемся с самой темной и недоступной областью нашей психики, но, поскольку мы все же вынуждены контактировать с нею, будет правильным обсуждать ее в рамках наименее строгой гипотезы. Мы приняли решение количественно соотнести удовольствие и неудовольствие с возбуждением, каковое имеет место в психике само по себе, – таким образом, что неудовольствие вызывает усиление, а удовольствие ослабление возбуждения. При этом мы отнюдь не имеем в виду простое соотношение между силой ощущения удовольствия и неудовольствия и соответствующими изменениями количественной меры возбуждения; в еще меньшей степени – на основании всего, что нам известно из психофизиологии – предполагаем мы наличие какой бы то ни было пропорциональной зависимости; фактором, определяющим силу ощущения удовольствия или неудовольствия, является, вероятно, количественная мера усиления или ослабления возбуждения в данный момент времени. Наверное, решение можно было бы найти в эксперименте, но нам, психоаналитикам, нет необходимости заходить так далеко, если нас не принуждает к этому наблюдение.

Нас, однако, не мог не заинтересовать тот факт, что взгляды на удовольствие и неудовольствие такого проницательного исследователя, как Г. Т. Фехнер (G. Th. Fechner), по существу, совпадают с выводами, к каковым нас привела психоаналитическая работа. Выводы Фехнера можно найти в его небольшой работе «Einige Ideen zur Sch?pfungs— und Entwicklungsgeschichte der Organismen», 1873 (часть XI, приложение, стр. 94). Вот эта выдержка:

«Поскольку осознанные побуждения всегда имеют отношение к удовольствию или неудовольствию, постольку удовольствие и неудовольствие можно трактовать как феномены, имеющие психофизическое отношение к условиям устойчивости или неустойчивости. Согласно этой гипотезе, предложенной и обоснованной мною в другом месте, всякое психофизическое движение, которое превосходит порог сознания в определенных ограниченных пределах, сопровождается ощущением удовольствия, если приближает психику к состоянию устойчивости, а превышение порога сознания приводит к ощущению неудовольствия, если это превышение происходит в той мере, каковая приближает психику к состоянию неустойчивости, и это есть качественный водораздел, отделяющий удовольствие от неудовольствия; все, что находится в пределах этого водораздела, не имеет отклика в чувственном плане...»

Факты, которые привели нас к мнению о том, что господствующим фактором в психике является принцип удовольствия, находят свое выражение в гипотезе о том, что психический аппарат пытается поддерживать возбуждение в психике на наиболее низком уровне или, в крайнем случае, на уровне постоянном. Это есть всего лишь иная формулировка принципа удовольствия, ибо если работа психического аппарата заключается в том, чтобы как можно сильнее сдерживать прирост энергии, то все, что вызывает усиление энергии возбуждения, будет восприниматься как процесс, нарушающий названную функцию, а значит, будет восприниматься как неудовольствие. Принцип удовольствия вытекает из принципа постоянства; действительно, последний был выведен из тех же фактов, из которых мы (по необходимости) вывели принцип удовольствия. Более углубленное обсуждение позволит показать, что высказанное нами свойство психического аппарата является не более чем частным случаем фехнеровского принципа стремления к устойчивости, с которым он соотносит ощущение удовольствия и неудовольствия.

Надо, однако, подчеркнуть, что по большому счету это неправильно – говорить о доминировании принципа удовольствия над течением ментальных процессов. Если бы таковое доминирование существовало, то громадное большинство ментальных процессов сопровождалось бы ощущением удовольствия или вело бы к удовольствию, но наш опыт решительно противоречит такому заключению. Можно говорить лишь о том, что в психической жизни имеет место тенденция к осуществлению принципа удовольствия, каковой противодействуют иные силы или условия, вследствие чего конечный результат не всегда согласуется с этой тенденцией. Мы можем сравнить это с высказыванием Фехнера по тому же поводу:

«Дело, однако, в том, что тенденция, направление к некоей цели еще не означает достижения цели, тем более что и сама цель достижима лишь в некотором приближении…»

Если мы теперь обратимся к вопросу о том, какие именно обстоятельства и условия мешают осуществлению принципа удовольствия, то ступим на весьма зыбкую почву, так как для того, чтобы дать ответ, мы располагаем только (пусть и богатейшим) психоаналитическим опытом.

Первый пример такого подавления принципа удовольствия очень хорошо нам знаком, ибо встречается он с удивительной регулярностью. Мы знаем, что принцип удовольствия является первичной основой работы психического аппарата, но знаем мы и то, что для самосохранения организма такой принцип малопригоден и даже опасен, учитывая неблагоприятные условия окружающего мира. Под влиянием инстинкта самосохранения принцип удовольствия замещается принципом реальности; этот принцип отнюдь не отменяет намерения в конечном счете достичь удовольствия, но откладывает удовлетворение этого намерения и проявляет терпение в отношении временного неудовольствия на долгом пути к удовольствию. Правда, принцип удовольствия упорно доминирует в реализации полового инстинкта, одного из самых «трудновоспитуемых» влечений; опираясь на этот инстинкт или на собственное «Я», принцип удовольствия в этой ситуации преодолевает принцип реальности, что может причинить вред организму как целому.

Нет сомнений в том, что замена принципа удовольствия принципом реальности отвечает за очень небольшую долю состояний, связанных с ощущением неудовольствия, то есть эта замена не является главной причиной широкой распространенности чувства неудовольствия. Другим, не менее распространенным и не менее закономерным источником неудовольствия являются конфликты и расщепления внутри психического аппарата, которые имеют место в ходе развития организма от более простой к более сложной организации. Почти вся энергия, находящаяся в распоряжении психического аппарата, происходит из изначально присущих человеку инстинктивных влечений, но отнюдь не всем им суждено достичь одинаковой зрелости. То и дело случается так, что отдельные инстинктивные влечения или элементы влечений оказываются несовместимыми в своих целях и притязаниях с остальными инстинктивными влечениями, каковые, объединяясь, образуют целостное «Я». Несовместимые влечения после этого отщепляются от упомянутого единства в результате подавления (вытеснения) и опускаются на нижележащие уровни психического развития, лишаясь таким образом каких-либо шансов на высвобождение и удовлетворение. Однако если им удается, как это часто бывает с вытесненным сексуальным влечением, окольными путями добиться прямого или косвенного удовлетворения, каковое в других случаях является источником удовольствия, то в данном случае освобождение и удовлетворение инстинкта может быть воспринято самим «Я» как нечто неприятное и тягостное, то есть противоположное удовольствию. Когда старый вытесненный конфликт достигает удовлетворения, принцип удовольствия вновь стремится заявить о своих правах в тот момент, когда другие инстинкты, пользуясь тем же принципом, тоже стремятся получить максимальное удовольствие от своего удовлетворения. Детали процесса, в результате которого вытеснение превращает возможность удовольствия в источник неудовольствия, пока непонятны, но можно с полной уверенностью сказать, что все невротические несчастья имеют именно эту природу – удовольствие не может восприниматься как таковое.

Два источника неудовольствия, на которые я сейчас указал, едва ли покрывают большую часть наших неприятных переживаний, но и в том, что касается остальных случаев, мы можем с полным правом утверждать, что и они не противоречат особой роли принципа удовольствия. Большая часть переживаемых нами неудовольствий представляет собой неудовольствие, обусловленное давлением неудовлетворенных инстинктов либо внешним воздействием – болезненным самим по себе или гипотетически болезненным в будущем, что также распознается как «опасность». Реакция на эти инстинктивные требования и угрозу «опасности» может затем быть направлена

по верному пути, ведомая принципом удовольствия или принципом реальности, который, собственно, является модифицированным принципом удовольствия. Таким образом, нет никакой необходимости исходить из какой-либо ограниченности принципа удовольствия; но именно исследование психической реакции на внешнюю опасность может дать нам новый материал и поставить перед нами новые интересные вопросы.

II

После тяжелых потрясений, например после железнодорожных катастроф или иных подобных событий, угрожающих жизни, у людей часто развивается давно описанное состояние, называемое «травматическим неврозом». Недавно окончившаяся ужасная война вызвала множество заболеваний такого рода, благодаря чему наконец прекратились попытки приписывать причину этих неврозов органическому поражению нервной системы в результате механической травмы[1 - См. Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. Mit Beitraegen von Ferenczi, Simmel und F Jones. Band I der Internationalen Psychoanalytischen Bibliothek, 1919.]. Богатство двигательных симптомов, которое мы наблюдаем в клинической картине травматического невроза, напоминает истерию, однако травматический невроз отличается от нее ощущением субъективного страдания, что ближе к ипохондрии и меланхолии, а также проявляется общей слабостью и нарушением ментальных способностей. До сих пор у нас нет отчетливого понимания природы как военных неврозов, так и травматических неврозов мирного времени. В случае военного невроза одни и те же симптомы могут появляться как в связи с тяжелыми физическими травмами, так и без таковых, что, с одной стороны, вызывает удивление, но, с другой, может принести пользу в понимании сути и природы военных неврозов. В случае обычного травматического невроза на первый план выступают два характерных признака. Первое – причиной возникновения невроза, как правило, служат такие факторы, как неожиданность и испуг; второе – если одновременно с испугом человек получает физическую травму, невроз развивается реже. Испуг, страх и тревожность часто (и неправильно) используются как синонимы, хотя они отчетливо различаются своим отношением к опасности. Тревожность – термин, которым обозначают ожидание опасности и психологическую подготовку к ней в тех случаях, когда природа этой опасности неизвестна. Страх относится к предмету или явлению, которых стоит бояться. Словом «испуг», однако, обозначают состояние человека, когда он, будучи неподготовленным, неожиданно сталкивается с опасностью. Я не считаю, что испуг может вызвать травматический невроз. В тревожности есть нечто, предохраняющее нас от

испуга, а следовательно, и от вызываемого им невроза. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Нам следует рассматривать изучение сновидений как самый ценный метод исследования глубинных психических процессов. Сновидения человека с травматическим неврозом постоянно возвращают больного в травмирующую ситуацию, и он просыпается в состоянии того же испуга. Это нисколько не удивляет больных. Они думают, что если переживание ситуации преследует их даже во сне, то, значит, она и в самом деле была очень серьезной. Можно сказать, что больной психологически фиксируется на своей травме. Фиксация на переживании, вызвавшем заболевание, давно известна нам на примере истерии. В 1893 году Брейер (Breuer) и Фрейд утверждали: истерики по большей части страдают от своих воспоминаний. Ференци (Ferenczi) и Зиммель (Simmel) отмечают, что и при военных неврозах некоторые симптомы объясняются фиксацией на моменте получения травмы.

Мне, однако, неизвестно, чтобы люди, страдающие травматическими неврозами, уделяли много внимания своему заболеванию в бодрствующем состоянии или вспоминали о травмирующей ситуации. Вероятно, они прикладывают значительные усилия к тому, чтобы не думать о ней. Всякий, кто считает само собой разумеющимся то, что сновидения непременно должны возвращать человека в травмирующую ситуацию, не вполне понимает природу сновидения. Природа сновидений такова, что они должны были бы возвращать пациента во времена, когда он был здоров, или показывать ему сцены скорого выздоровления. Если мы не падем жертвой заблуждения, согласно которому сновидения невротиков являются принятием желаемого за действительное, нам останется трактовать этот феномен единственным способом: мы должны будем признать, что функция сна у невротика поражена так же, как и многое другое в его психике, и сон перестает нормально выполнять свою функцию. В противном случае нам придется постулировать некие мазохистские тенденции «Я».

Теперь я предлагаю оставить темную и мрачную тему травматического невроза и перейти к исследованию механизмов, используемых психическим аппаратом в период его самой ранней, нормальной деятельности, – к исследованию механизма детской игры.

Различные теории детской игры с точки зрения психоанализа недавно были исследованы С. Пфайфером (S. Pfeifer), и я здесь буду ссылаться на его работу. В этих теориях делается попытка раскрыть мотивы, побуждающие детей к игре,

однако в них не уделено должного внимания экономическому мотиву, то есть мотиву получения удовольствия. Я не стану писать об этом чересчур подробно, но однажды мне представился случай понаблюдать, как полуторагодовалый мальчик играл в игру, которую он придумал сам. Это не было мимолетным наблюдением, ибо я в течение нескольких недель жил под одной крышей с этим мальчиком и его родителями, и прошло довольно много времени, прежде чем до меня дошел смысл того, что делал ребенок.

Ребенок был нормально развит для своих полутора лет, не обгоняя в развитии сверстников. В речи он использовал не вполне членораздельные слова, а кроме того, произносил и другие звуки, которые были понятны окружающим его людям. У мальчика были прекрасные отношения с родителями и их единственной горничной. Он не докучал родителям по ночам, был послушен и не трогал предметы, которые ему было запрещено трогать, не ходил туда, куда ему не разрешали ходить, и не плакал, когда мать покидала его на несколько часов, хотя был нежно к ней привязан. Мать сама заботилась о нем, не прибегая к помощи посторонних людей. У этого хорошего мальчика было, правда, одно странное обыкновение – всякий мелкий предмет, оказывавшийся у него в руках, он зашвыривал под кровать или в иные потайные места, и искать их потом было нелегкой задачей. Забрасывая предметы под кровать, мальчик с видом полного удовлетворения произносил протяжный звук «о-о-о-о»; по мнению матери и автора этих строк, это было не междометие, а слово, обозначавшее «прочь». В конце концов я заметил, что это была игра и что все свои игрушки ребенок использовал только для того, чтобы отправлять их «прочь». Как-то раз я сделал еще одно интересное наблюдение, которое подтвердило мое предположение. У мальчика была игрушка – деревянная катушка с привязанным к ней шнурком. Ребенок никогда не возил катушку за собой, не воображал катушку тележкой. Забавлялся он по-другому. Зажав в ручке шнурок, он искусно забрасывал катушку в колыбельку (так, что она исчезала из вида). При этом мальчик многозначительно произносил свое «о-о-о-о». После этого он вытягивал игрушку из колыбельки, и когда она снова оказывалась у него в руках, радостно произносил «da» («здесь» по-немецки). В этом и заключалась вся игра: в исчезновении и возвращении. В большинстве случаев взрослые видели только первый акт этой игры, хотя нет никаких сомнений в том, что в этой неутомимо повторявшейся последовательности действий именно второе доставляло малышу наибольшее удовольствие[2 - Значение игры полностью вскрылось в результате еще одного наблюдения. Однажды мать отсутствовала дома довольно продолжительное время, а по возвращении домой сын приветствовал ее возгласом: «Беби о-о-о-о!» Вначале никто ничего не понял, но потом оказалось, что за время отсутствия матери ребенок нашел способ заставить

исчезнуть самого себя. Он обнаружил свое отражение в большом, доходившем почти до пола зеркале. Стоило мальчику лечь на пол, как он исчезал «прочь», а потом опять появлялся «da».].

После этого смысл игры стал совершенно ясным. Это было величайшим культурным достижением ребенка – отказом от инстинкта (отказом от удовлетворения инстинктивного влечения) – допускать уход матери без возражений и капризов. Он компенсировал эту потерю тем, что периодически заставлял исчезать, а потом снова появляться доступные ему предметы. С точки зрения оценки аффекта совершенно безразлично, сам ребенок изобрел эту игру или кто-то его научил. Мы обратим наше внимание на другой аспект. Естественно, ребенок не мог расценивать исчезновения матери как нечто приятное или даже безразличное. Как согласуется с принципом удовольствия тот факт, что мальчик смог повторить в игре это болезненное для него переживание? В ответ, наверное, можно было бы сказать, что уход матери ребенок рассматривал как необходимое предварительное условие ее радостного возвращения, и в этом заключалась цель игры. Этому, однако, противоречит наблюдение, согласно которому сам уход уже инсценировался как игра, причем исчезновение всегда инсценировалось чаще, чем целая игра во всей ее полноте, то есть со счастливым концом.

Анализ этого единичного случая не позволяет найти определенного решения. При непредвзятом взгляде складывается впечатление, что ребенок превратил свое переживание в игру по каким-то иным мотивам. Он играл в исчезновениях матери пассивную роль – ситуация очень сильно его задевала, и он решил играть в ней активную роль, и стал воспроизводить эту, пусть и неприятную для него ситуацию как игру. Эти устремления можно было бы рассматривать как проявления инстинкта обладания, независимо от того, были ли воспоминания о событиях, породивших игру, приятными или нет. Можно предложить и иное толкование. Разбрасывание предметов с таким расчетом, чтобы они исчезли прочь, могло служить удовлетворению подавленного в реальной жизни побуждения к мести в отношении матери за то, что она его покидает. Эта игра является проявлением мятежа и протеста: «Да, иди прочь, ты не нужна мне, я сам тебя прогоняю». Тот же ребенок год спустя расправлялся с игрушками, вызывавшими его недовольство, следующим образом: он швырял их на пол и, по-детски коверкая слова, приговаривал: «Иди на войну!» Ребенку рассказали, что его отец на войне, но он не скучал по папе, и всем своим поведением показывал, что не желает, чтобы отец мешал его единоличному пребыванию с матерью[3 - Когда этому ребенку было пять с половиной лет, его мать умерла. Теперь, когда она действительно исчезла «прочь» (о-о-о-о), ребенок ничем не выказывал своей

печали. Родившийся незадолго до этого второй ребенок вызывал у мальчика сильнейшую ревность.]. Нам известно, что и многие другие дети выражали свое враждебное отношение, отшвыривая прочь предметы, игравшие в данном случае роль ненавистных людей[4 - См. «Воспоминания о детстве в книге «Поэзия и правда»; сборник очерков по учению о неврозах (IV Folge).]. Таким образом, возникает сомнение, является ли побуждение психически переработать некое значимое событие с тем, чтобы полностью им овладеть, первичным и независящим от принципа удовольствия. В обсуждаемом случае ребенок повторял неприятные события в виде игры, потому что это позволяло ему получать удовольствие хотя и другого сорта, но такое же сильное.

Дальнейшее рассмотрение детской игры едва ли поможет нам окончательно остановиться на одном из этих двух возможных объяснений. Ясно, что в своих играх дети повторяют то, что произвело на них сильное впечатление в реальной жизни, и, поступая так, они освобождаются из-под гнета этого впечатления, становясь активными участниками событий и хозяевами положения. Однако, с другой стороны, очевидно, что на игру огромное влияние оказывает желание быть взрослыми и делать то, что делают взрослые. Согласно наблюдениям, неприятная природа впечатления отнюдь не всегда делает его непригодным для игры. Если врач осматривает ребенку горло или делает ему небольшую, но болезненную операцию, то можно с уверенностью сказать, что эти неприятные события станут сюжетом следующей игры. Однако нельзя пропустить тот факт, что удовольствие ребенок в этом случае будет получать из совершенно другого источника. Когда ребенок переходит от роли пассивного объекта действия взрослых к роли активного деятеля в игре, он подвергает неприятному действию товарища по игре и таким образом мстит за свое унижение подставному лицу.

Тем не менее из этого обсуждения следует, что было бы совершенно излишним постулировать наличие некоего подражательного инстинкта для того, чтобы обосновать мотив к игре. Надо еще напомнить, что театральное искусство и художественное подражание взрослых, у которых эта деятельность предназначается для зрителей, отнюдь не щадят чувства зрителей – как, например, в трагедии, но могут, однако, вызывать у них чувство подлинного наслаждения. Это убедительно доказывает, что даже при доминировании принципа удовольствия всегда найдутся пути и способы, пригодные для превращения неприятных по своей сути вещей в предмет долгих воспоминаний и работы души. Анализ случаев и ситуаций, результатом которых является получение удовольствия, необходимо производить с точки зрения эстетики и применяя экономический подход к материалу и предмету. Эти методы

непригодны для наших целей, ибо они имеют своей предпосылкой существование и безусловное доминирование принципа удовольствия, то есть они ничего не говорят о влиянии тенденций, действующих по ту сторону принципа удовольствия, тенденций более примитивных и не зависящих от принципа удовольствия.

III

Двадцать пять лет интенсивной работы на ниве психоанализа принесли неожиданные плоды – сегодня цели психоаналитических методик разительно отличаются от целей, которые мы ставили перед собой в самом начале. Тогда врач-психоаналитик мог лишь разгадать подсознательный материал, скрытый от самого пациента, систематизировать этот материал и в подходящий момент сообщить больному. Психоанализ был по преимуществу искусством толкования. Так как это ничем не помогало в лечении пациентов, перед психоанализом очень скоро встала следующая цель: побудить пациента подтвердить выстроенную психоаналитиком конструкцию, пользуясь своими (пациента) воспоминаниями. Здесь главной проблемой стало сопротивление больного: все искусство теперь заключалось в том, чтобы как можно скорее выявить это сопротивление, указать на него пациенту и, пользуясь своим человеческим обаянием – здесь внушение мы называем «переносом», – убедить его отказаться от сопротивления.

Однако теперь с еще большей отчетливостью стало ясно, что этим методом нам не удастся полностью решить поставленную задачу – сделать осознанным то, что прежде не осознавалось. Пациент не в состоянии вспомнить все вытесненное в подсознание, и, мало того, он не может вспомнить самое существенное из этого материала. Таким образом, он оказывается не в состоянии правильно оценить конструкцию, предлагаемую ему психоаналитиком, и эта конструкция остается для больного неубедительной. Пациент должен заново, повторно, пережить вытесненный материал, а не просто вспомнить его, что, конечно, более предпочтительно для врача[5 - См.: Zur Technik der Psychoanalyse II: Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten. Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, IV Folge, S. 441, 1918.]. Эти воспроизведения, обладающие нежелательной точностью, всегда содержат какой-либо фрагмент детской сексуальности – то есть эдипова комплекса и его следствий; эти воспроизведения всегда разыгрываются в сфере переноса, то есть в области отношений пациента и врача. Если дело доходит до этого, прежний невроз сменяется новым, «неврозом переноса». Задача врача – как можно сильнее ограничить рамки этого «невроза переноса», в наибольшей

степени вытеснить его в воспоминание и в наименьшей – в повторение. Соотношение между извлеченным из памяти и воспроизведенным меняется в зависимости от конкретного случая. Как правило, врач не имеет возможности уберечь пациента от этой фазы лечения; он должен заставить пациента заново пережить известный фрагмент забытой жизни, но при этом позаботиться о том, чтобы у пациента сохранилась некоторая доля отчуждения, каковое позволит больному распознать в забытом прошлом то, что представляется ему непреложной реальностью. Если эта цель достигнута, врач без труда убедит больного в истинности предложенной ему картины, а от этого убеждения в большой степени зависит и успех лечения.

Чтобы лучше понять природу этого «навязчивого стремления к повторению», которое проявляется в ходе психоаналитического лечения невротиков, надо прежде всего отказаться от ошибочной идеи о том, что при лечении мы боремся с сопротивлением со стороны «бессознательного». Бессознательное, то есть «вытесненное», вообще не оказывает никакого сопротивления попыткам лечения; на самом деле оно само стремится преодолеть оказываемое на него давление и либо вырваться в сознание, либо выразить себя в каком-то реальном действии. Сопротивление лечению исходит из высших уровней и систем психики, каковые сами и осуществляют вытеснение. Однако тот известный нам по опыту работы факт, что мотивы сопротивления, как и само сопротивление, остаются вне сознания в начале лечения, говорит о том, что нам надо исправить погрешности нашей терминологии. Мы сможем избежать неясностей, если будем разграничивать не сознательное и бессознательное, а связанное «Я» и вытесненное. Значительная часть «Я» сама по себе является бессознательной, а именно – то, что можно назвать ядром «Я»; и лишь очень небольшую часть этого бессознательного можно обозначить как предсознательное. После замены чисто описательных терминов систематическими и динамическими понятиями мы можем утверждать, что сопротивление пациента, скорее всего, исходит из «Я», и тогда нам сразу станет ясно, что навязчивое стремление к повторению следует как раз приписать вытесненному в бессознательное материалу. Вероятно, эта навязчивость может проявиться не раньше, чем психоаналитику в процессе работы удастся расшатать вытесненный материал[6 - В другом месте я подробно разбираю вопрос о том, что такое расшатывание является следствием лечебного «внушающего воздействия», каковое здесь приходит на помощь вынужденному повторению; это внушение является следствием уступчивости больного по отношению к врачу, который воплощает для пациента объект бессознательного детско-родительского комплекса.].

Нет никакого сомнения в том, что сопротивление сознательного и предсознательного «Я» происходит ради соблюдения принципа удовольствия: сопротивление стремится устранить неприятное и тягостное чувство, которое неизбежно должно возникнуть при высвобождении бессознательного, и наши усилия, таким образом, направлены на ослабление неудовольствия обращением к принципу реальности. Но какое отношение имеет навязчивое стремление к повторению – являющееся проявлением силы вытесненного в бессознательное материала – к принципу удовольствия? Ясно, что большая часть того, что будет заново пережито под давлением этой навязчивости повторения, причинит неудовольствие «Я» пациента, так как сделает осознанными вытесненные побуждения, но это уже будет неудовольствие, которое мы рассматривали ранее, – неудовольствие, не противоречащее принципу удовольствия: это неудовольствие для одной системы и, одновременно, удовлетворение для другой. Но здесь мы сталкиваемся с новым и весьма примечательным фактом, а именно – с тем, что навязчивое стремление к повторению приводит к припоминанию тех переживаний прошлого, которые исключают саму возможность удовольствия и которые никогда, даже и в прошлом, не приносили удовлетворения тем инстинктивным побуждениям, которые с тех пор были подавлены и вытеснены.

Ранний расцвет детской сексуальности обречен на гибель вследствие несовместимости детских вожделений с реальностью и вследствие неадекватной желаниям стадии развития ребенка. Этот расцвет прекращается в самых неблагоприятных условиях в сопровождении самых болезненных чувств. Утрата любви и личная несостоятельность оставляют за собой нарушение самооценки в форме нарциссического рубца, что, по моему мнению, которое совпадает с мнением Марциновского (1918)[7 - Marcinowski, Die erotischen Quellen der Minderwertigkeitsgefuhle. Zeitschrift fur Sexualwissenschaft, IV, 1918.], вносит наибольший вклад в формирование ощущения собственного ничтожества, которое так характерно для невротиков. Учитывая тот факт, что физическое развитие ребенка неизбежно накладывает свои ограничения, первые его опыты в сексуальной сфере приводят его к неутешительным выводам; отсюда более поздние жалобы такого рода, как: «Я ничего не могу добиться; я во всем терплю неудачи». Нежные узы, как правило, соединяющие ребенка с родителем противоположного пола, рассыпаются под бременем разочарования, несбывшихся надежд на удовлетворение, ревности к другому ребенку, появление которого служит неопровержимым доказательством неверности объекта любви. Позорно проваливается трагически серьезная попытка самому сделать ребенка. Ребенок растет и начинает получать все меньше и меньше любви, требования воспитателей становятся жестче, ребенка иногда даже

начинают наказывать – и все это он воспринимает как свидетельства презрения к себе со стороны родителей. Существует несколько типичных и повторяющихся способов, какими прекращается эта характерная для детского возраста любовь.

Больные под влиянием переноса повторяют эти невыносимые ситуации и заново переживают болезненные эмоции с величайшей изобретательностью. Они всячески изыскивают поводы для прекращения лечения, несмотря на его незавершенность; они упиваются своей униженностью, вынуждают врача разговаривать с ними сурово и холодно; они изыскивают подходящие объекты для ревности; вместо ребенка, которого они пытались произвести в далеком детстве, они предаются мечтам о великом даре, которые, как правило, столь же нереалистичны. Ни одна из этих вещей не могла породить удовольствие в прошлом, и едва ли есть основания полагать, что они сегодня причинят меньше неудовольствия, хотя и проявляются воспоминаниями и сновидениями, а не являются результатом непосредственного восприятия. Естественно, речь идет о действии инстинктов, которые должны вести к удовлетворению; но старый опыт ничему не учит, из него не извлекают уроков, и те же инстинкты продолжают причинять неприятности вместо удовольствия. Несмотря на это, переживания повторяются, повторяются упрямо под давлением необоримой навязчивости.

То же самое, что психоанализ открывает в феноменах переноса у невротиков, можно наблюдать и в жизни некоторых абсолютно здоровых людей. При наблюдении за этими людьми возникает впечатление, будто их преследует злая судьба или что они одержимы некими «демоническими» силами; однако психоанализ позволяет быстро выяснить, что свою судьбу они создали себе сами под влиянием ранних детских переживаний. Навязчивости этих людей ничем не отличаются от навязчивого стремления повторить неблагоприятный опыт, что мы наблюдаем у невротиков, несмотря на то что сейчас мы говорим о людях, у которых в психике отсутствуют порождающие невротический конфликт симптомы. Известны люди, личные человеческие отношения которых с другими людьми всегда имеют один и тот же исход: благодетели, которых покидают те, кого они облагодетельствовали, и, как бы ни отличались конкретные обстоятельства, все эти люди оказываются вынужденными не раз и не два испить чашу горькой неблагодарности; люди, дружеские отношения которых неизменно заканчиваются предательством со стороны друга; есть люди, которые выбирают себе кумиров, возносят их на пьедестал, а затем, разочаровавшись, свергают с пьедестала только для того, чтобы заменить их новым авторитетом, новым кумиром; то же самое касается мужчин, чьи отношения к любимым женщинам проходят те же стадии и с тем же результатом, и так далее. Этот феномен, когда человек постоянно наступает «на

те же грабли», нас не удивляет, если речь идет об активном поведении человека, которого это касается, когда мы можем вычленить у него какую-то черту характера, которая и приводит к повторению одних и тех же переживаний. Намного больше озадачивают случаи, когда человек переживает такие повторения пассивно, не пытаясь повлиять на происходящее. Можно, например, вспомнить историю одной женщины, которая трижды выходила замуж, и каждый из ее мужей очень скоро заболевал, и ей приходилось ухаживать за ним на смертном одре. Эта судьба постигла трех мужей подряд[8 - См. соответствующие замечания К. Г. Юнга в его статье «Die Bedeutung des Vaters f?r das Schicksal des Einzelnen», Jahrbuch f?r Psychoanalyse, 1, 1909.]. В поэтической форме этот феномен очень трогательно изображен в романтическом эпосе Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Герой Танкред убивает врага, не подозревая, что под доспехами вражеского рыцаря скрывается его возлюбленная Клоринда. После погребения Танкред углубляется в зачарованный лес, наводящий ужас на крестоносцев. Там он принимается яростно рубить мечом высокое дерево; из ран, нанесенных дереву, льется кровь и звучит голос Клоринды, душа которой вселилась в дерево. Она жалуется, что возлюбленный пытается убить ее еще раз.

Если мы примем во внимание подобные феномены, наблюдаемые нами в ситуациях переноса, да и просто в обыденной жизни, нам нужно найти в себе мужество признать, что в психике действительно заложено навязчивое стремление к повторениям, и эти устремления преодолевают принцип удовольствия. Мы даже готовы отнести на счет этих навязчивых устремлений сновидения людей, страдающих травматическим неврозом, а также побуждения, управляющие детскими играми. Надо, правда, сказать, что лишь в весьма редких случаях мы можем наблюдать чистое воздействие навязчивого стремления к повторениям при отсутствии других вспомогательных мотивов. В случае детской игры мы уже подчеркнули значимость других способов, какими можно истолковать появление навязчивого побуждения. Навязчивое стремление к повторному переживанию и непосредственное удовлетворение инстинктивного влечения сливаются здесь в тесном и неразрывном единстве. Очевидно, что феномен переноса активно используется здесь для усиления сопротивления со стороны «Я», которое бдительно стоит на страже вытеснения; навязчивое стремление к повторениям, которое готово принести пользу лечению, перехватывается цепляющимся за принцип удовольствия «Я», которое таким образом перетягивает его на свою сторону. Феномены, которые можно было бы назвать давлением судьбы, понятны, поддаются рациональным объяснениям и не нуждаются в привлечении новых загадочных мотивов. Меньше всего сомнений возникает в отношении сновидений, сюжетами которых

являются травмирующие ситуации. Однако по зрелом размышлении мы будем вынуждены признать, что даже их нельзя объяснить одним лишь действием известных нам мотивов. Помимо этого, есть нечто, не поддающееся пока объяснению, и это нечто мешает обосновать гипотезу об инстинктивном навязчивом стремлении к повторениям; оно, вероятно, является более примитивным, более элементарным и более инстинктивным, чем принцип удовольствия, каковой оно без труда сметает со своего пути. Но если навязчивое, сродни одержимости, стремление к повторениям и в самом деле заложено в психике, нам очень хотелось бы что-нибудь о нем узнать – какой функции оно соответствует, в каких условиях возникает и в каких отношениях находится с принципом удовольствия, которому мы до сих пор приписывали ведущую роль в процессах возбуждения, протекающих в психике.

IV

То, что я напишу ниже, является спекуляцией, причем смелой и далеко идущей спекуляцией, которой каждый читатель, в зависимости от своей позиции, может заинтересоваться или пренебречь. Скорее, правда, это попытка разработки идеи, сделанная из любопытства посмотреть, куда она может привести.

Психоаналитическое суждение принимает за исходный пункт впечатление, полученное из исследования бессознательных процессов, и это впечатление заключается в том, что сознание не является универсальным признаком психических процессов, но есть лишь одна из их частных функций. Прибегнув к метапсихологической терминологии, можно сказать, что, согласно психоаналитической теории, сознание есть производное определенной системы, каковую эта теория обозначает как Сз. Сознание осуществляет восприятие раздражений, поступающих извне, и ощущения удовольствия и неудовольствия, каковые могут возникать только внутри психического аппарата; таким образом, мы можем приписать системе «восприятие-сознание» определенное положение в пространстве. Эта система находится на границе внутреннего ощущения и внешнего восприятия; она обращена к внешнему миру и охватывает остальные психические системы. Ниже мы увидим, что в этом допущении нет ничего кардинально нового; мы просто приняли взгляд нейроанатомии, согласно которому сознание «расположено» в коре мозга – самом наружном слое этого центрального органа. Анатомия головного мозга не дает оснований полагать, что сознание должно находиться именно на поверхности мозга; надежнее было бы спрятать его во внутренних отделах. Анатомы пока не смогли найти этому объяснения, но, возможно, нам в этом отношении повезет больше и мы с

помощью системы «восприятия-сознания» сможем обосновать такое «положение» сознания.

Сознание – отнюдь не единственное свойство из тех, что мы приписываем процессам, происходящим в этой системе На основании впечатлений, которые мы получили в психоанализе, мы допускаем, что все возбудительные процессы, протекающие в остальных системах, оставляют за собой следы, из которых образуется фундамент памяти. Такая следовая память не имеет ничего общего с сознанием; больше того – эти следы являются наиболее прочными как раз в тех случаях, когда процесс, приведший к их появлению, не достигает сознания. Нам, правда, трудно поверить, что такие прочные устойчивые следы остаются и в системе «восприятие-сознание». Если эти следы будут постоянно находиться в сознании, очень скоро емкость системы будет исчерпана, и она не сможет принимать сигналы о новом возбуждении[9 - Дальнейшее изложение основано на взглядах Брейера, высказанных им в теоретической части его работы «Studien ?ber Hysterie», 1895.]; с другой стороны, если мы признаем, что эти следы переходят в бессознательное, нам придется каким-то образом объяснить участие бессознательных процессов в системе, само функционирование которой сопровождается феноменом сознания. Приписав, таким образом, процесс возникновения сознания какой-то одной системе, мы ничего не меняем и ничего не выигрываем. Хотя такое утверждение нельзя назвать полностью обоснованным, оно все же приводит нас к заключению о том, что становление сознания и формирование следовой памяти несовместимы в рамках одной системы. Таким образом, мы должны сказать, что процесс возбуждения становится осознанным в системе Сз, но не оставляет в ней постоянных следов; однако это возбуждение передается дальше, в системы, расположенные глубже уровня сознания, и именно там оставляет устойчивые следы. Той же логики я придерживался в разделе обсуждения моей книги «Толкование сновидений», вышедшей в 1900 году. Если вспомнить, как мало мы знаем о возникновении и становлении сознания из других источников, то надо со всем вниманием отнестись к утверждению о том, что сознание возникает вместо следовой памяти, так как оно, по крайней мере, имеет однозначный и точный смысл.

Система сознания обладает еще той особенностью, что процесс возбуждения не оставляет в ней – как во всех других системах – устойчивых следов в виде изменений их элементов, а бесследно гаснет в процессе формирования сознания. Такое отклонение от общего правила требуется объяснить действием некоего фактора, который присутствует только в системе сознания. Таким фактором, которого нет в других системах, может быть открытость системы Сз, непосредственно соприкасающейся с внешним миром.

Представим себе живой организм в его максимально упрощенной форме – в виде недифференцированного пузырька, наполненного возбудимой субстанцией; в этом случае обращенная к окружающему миру поверхность самим своим положением будет вынуждена к дифференцировке, в результате которой превратится в орган, воспринимающий раздражение. Действительно эмбриология, согласно теории рекапитуляции (повторение эволюции в ходе развития эмбриона), показывает нам, что центральная нервная система происходит из эктодермы; серое вещество коры является производным примитивного покровного слоя организма и, вероятно, наследует некоторые из его сущностных свойств. Тогда легко предположить, что в результате воздействия бесчисленных раздражителей на поверхность нашего пузырька его вещество может модифицироваться на определенную глубину, и ход возбуждающих импульсов в этом слое станет иным, нежели в более глубоких слоях. Таким образом, сформируется «корка», которая будет так хорошо «пропечена» стимуляцией, что в ней будут созданы наилучшие условия для проведения стимулов, но это же обстоятельство сделает поверхностный слой неспособным к дальнейшим изменениям. В отношении системы сознания это будет означать, что ее элементы уже не смогут подвергаться изменениям и модификации при прохождении импульсов раздражения и возбуждения, так как эта система наилучшим образом приспособилась к этой функции и дальнейшие ее изменения не требуются. Затем элементы этой системы приобрели способность к формированию сознания. Относительно того, в чем заключаются эти изменения и как протекает возбуждение в модифицированной системе, можно делать лишь предположения, которые пока невозможно проверить. Можно предположить, что возбуждение, переходя от одного элемента к другому, преодолевает сопротивление и что происходящее при этом уменьшение сопротивления и приводит к образованию устойчивого следа, то есть облегчает проведение возбуждения; в системе сознательного такого сопротивления подобному переходу уже не возникает. Эта картина вполне согласуется с введенным Брейером различением между покоящейся (связанной) и подвижной энергией катексиса (в данном случае силой, заставляющей перемещаться импульсы раздражения. – Примеч. переводчика) в элементах психических систем[10 - «Studien uber Hysterie» von J. Breuer und Freud, 4, 1922.]; элементы системы сознания способны передавать лишь подвижную энергию, но не обладают энергией связанной. Правда, в этом пункте надо соблюдать большую осторожность и не спешить с категорическими суждениями. Как бы то ни было, но это рассуждение позволяет нам связать возникновение сознания с условиями в системе Сз и с особенностями протекающих в ней возбудительных процессов.

Но это еще не все, что мы можем сказать о живом пузырьке с его воспринимающим (рецепторным) корковым слоем. Этот крошечный фрагмент живой субстанции взвешен в окружающей среде, обладающей мощнейшей энергией, и он неминуемо бы погиб, если бы не выработал систему защиты от чрезмерных раздражений. Эту защиту пузырек получает за счет того, что его внешний слой теряет характерную структуру живой материи и становится, в известной мере, неорганическим и начинает функционировать в качестве особой оболочки или мембраны, устойчивой к раздражению. В результате к живым структурам, расположенным под этой оболочкой, поступает лишь небольшая доля энергии раздражения, а находящаяся под защитой оболочки живая субстанция глубоких слоев пузырька получает возможность воспринимать и передавать раздражение. За счет своего отмирания наружный защитный слой избавляет внутренние структуры от этой печальной судьбы – по меньшей мере, до тех пор, пока сила внешних раздражений не достигает силы, достаточной для того, чтобы пробить наружную мембрану. Защита от внешних раздражений едва ли не более важна для живого организма, чем их восприятие. Защитный слой обладает собственными источниками и запасами энергии, и его задача – поддерживать и сохранять свой внутренний энергетический обмен, защищая его от воздействия огромных энергий окружающего мира, которое стремится к выравниванию энергий, а следовательно, к разрушению живой структуры. Основная цель восприятия внешних раздражений заключается прежде всего в выяснении направленности и модальности внешнего раздражения, а для этого достаточно использовать лишь небольшой фрагмент физического воздействия окружающего мира или его вещества. У высокоразвитых организмов воспринимающий раздражения корковый слой бывшего пузырька уже давно погрузился в глубину тела, хотя части этого слоя остались на поверхности, непосредственно под защитной оболочкой, защищающей теперь от чрезмерно сильных стимулов весь организм. Эти части суть органы чувств, которые, по существу, состоят из аппарата восприятия определенных специфических раздражений, а также из новых структур, которые защищают от сильных стимулов, отсеивая их. Для органов чувств характерно то, что они обрабатывают лишь ничтожную долю раздражений, поступающих из окружающего мира, только пробные фрагменты этих раздражений. Органы восприятия можно уподобить щупам, которые выдвигаются в окружающую среду, оценивают ее состояние, а затем снова убираются внутрь.

Сейчас я осмелюсь вкратце коснуться темы, которая заслуживает самого подробного разбора. На основании определенных открытий, сделанных психоанализом, в настоящее время стоит заново обсудить утверждение Канта, что время и пространство являются «необходимыми формами мышления». Нам

удалось выяснить, что бессознательные психические процессы являются сами по себе «вневременными». Это прежде всего означает, что они не упорядочены во времени, что время ничего не меняет в них и что к ним нельзя приложить идею времени. Это отрицательные, негативные характеристики, которые можно отчетливо понять, только если сравнить бессознательные психические процессы с сознательными. Наше абстрактное представление о времени целиком и полностью определяется работой системы «восприятия-сознания», соответствует ей и является ее неотъемлемой частью. Вероятно, такая организация деятельности представляет собой еще один способ защиты от чрезмерно сильных раздражений. Я отчетливо понимаю, что эти утверждения звучат достаточно туманно, но вынужден ограничиться этими намеками.

Мы уже пришли к представлению о том, как живой пузырек обеспечивает себя защитой от раздражений окружающего мира. Мы выяснили, что наружный слой коры этого пузырька должен был дифференцироваться в орган для восприятия раздражений извне. Этот чувствительный корковый слой, будущая система Сз, воспринимает также и возбуждения, поступающие изнутри; положение этой системы между внешним миром и внутренней средой пузырька, а также разница в условиях снаружи границы и внутри нее, являются факторами, определяющими деятельность как ее самой, так и всего психического аппарата в целом. Снаружи существует защита от раздражителей, и внешние раздражения представляют собой – для внутренних структур – лишь долю истинных внешних стимулов; в отношении внутренних раздражений такая защита немыслима и невозможна, и возбуждения, исходящие от глубинных слоев, действуют на систему непосредственно и с полной своей силой, причем по ходу этого воздействия и в зависимости от его силы психика реагирует диапазоном ощущения – от полного удовольствия до полного неудовольствия. В любом случае поступающие изнутри возбуждения по своей интенсивности и другим качественным свойствам (и, в конце концов, по своей амплитуде) в большей степени соответствуют реальным свойствам системы, чем возбуждения, непрерывным потоком поступающие из окружающего мира. Такое положение вещей приводит к двум конечным результатам. Во-первых, ощущения удовольствия и неудовольствия, указывающие на то, что происходит внутри психического аппарата, по своей силе превосходят ощущения, вызываемые всеми внешними раздражителями. Во-вторых, был выработан метод ослабления любого внутреннего возбуждения, которое приводит к ощущению неудовольствия; отсюда тенденция обрабатывать их не как внутренние стимулы, а как стимулы внешние, и таким образом использовать против них защитные структуры, предназначенные для взаимодействия с внешними раздражителями. В этом смещении зарождается механизм проекции, которой

была уготована важная роль в формировании патологических процессов.

У меня складывается впечатление, что последнее рассуждение приближает нас к пониманию доминирования в психике принципа удовольствия, но оно не дает нам возможности разъяснить те случаи, которые противоречат представлениям о таком доминировании. Поэтому, сделаем еще один шаг вперед. Назовем травмирующими (или травматическими) те внешние возбуждения, которые достаточно сильны для того, чтобы взломать защиту от внешних стимулов. Мне думается, что понятие травмы подразумевает связь именно такого рода – прорыв эффективного прежде барьера, преграждавшего путь внешним раздражениям. Такое событие, как внешняя травма, непременно спровоцирует нарушение энергетического баланса в организме и приведет в действие все возможные защитные механизмы. В данной ситуации, однако, призвать на помощь принцип удовольствия не удается, так как он перестает действовать. Отныне у организма нет возможности защитить психический аппарат от затопления потоком мощных раздражителей, и перед психикой встает иная проблема – проблема обуздания раздражителей, прорвавшихся внутрь, их психического связывания и последующего удаления.

Вероятно, специфическое неудовольствие, вызываемое физической болью, является следствием того, что на ограниченном пространстве был прорван защитный барьер. Возникает мощный поток возбуждения, направленный от пораженного участка в центральные психические структуры, поток, который в норме может возникнуть только внутри этих структур[11 - См. Triebe und Triebschicksale. Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, IV, 1918.]. Какой реакции психики на такой массированный прорыв извне можем мы ожидать? Нужен приток со всех сторон вспомогательной катектической энергии, чтобы стянуть к месту прорыва достаточно мощные потоки психической энергии. Создается великий «противоток», ради которого опустошаются все прочие психические системы, вследствие чего происходит паралич или значительное ослабление всей остальной психической деятельности. Мы должны учиться извлекать уроки из таких случаев и строить наши метапсихологические рассуждения на фундаменте этих примеров. Отсюда мы также делаем вывод о том, что в достаточной степени заряженная энергией система в состоянии принять устремленные к ней потоки, перевести их в покоящееся, неподвижное состояние, то есть психически «связать» и нейтрализовать. Чем выше уровень покоящейся энергии в определенной системе, тем больше ее связывающая сила; верно и противоположное: чем ниже катексис системы, тем менее способна система к приему притекающей энергии, тем более разрушительными будут последствия прорыва защитного барьера. На это можно, без всякого, впрочем,

основания возразить, что гораздо проще толковать повышение катектической энергии в области прорыва защитного барьера как непосредственный результат массивного притока возбуждающей энергии. Если бы это было так, то центральный психический аппарат просто воспринял бы повышенный поток катектической энергии, и парализующий характер боли, а также ослабление и энергетическое обеднение всех других систем остались бы без объяснения. Наше объяснение остается в силе, несмотря на то что боль порождает мощнейший отток энергии, потому что это происходит рефлекторно, то есть без участия центрального психического аппарата. Неопределенность всех наших суждений, каковые мы называем метапсихологическими, происходит, естественно, из того, что мы ничего не знаем о природе процессов возбуждения в элементах психических систем, и, следовательно, не можем быть полностью уверены ни в одном из наших допущений. Таким образом, мы всегда оперируем большим массивом неизвестных величин, которые мы вынуждены вводить во все предлагаемые нами формулы. Логично предположить, что этот возбудительный процесс осуществляется энергиями, уровни которых отличаются между собой количественно; однако вполне вероятно и то, что этот процесс имеет большое число качественных признаков (например, имеет разную по форме амплитуду). В качестве нового качественного фактора мы приняли в расчет гипотезу Брейера, согласно которой существуют две формы психической энергии, одна из которых свободно течет и требует вытеснения, а вторая покоится на месте. Мы можем с полным правом предположить, что связывание текущей энергии заключается в ее переходе в покоящееся состояние.

Я считаю, что стоит сделать дерзкую попытку трактовать обычный травматический невроз как следствие массивного прорыва защитных барьеров чрезвычайно сильным раздражителем. Таким способом нам удастся возродить старое наивное представление о шоке, в противоположность новой, психологически более претенциозной теории, которая считает этиологической причиной травматического невроза не механическое поражение, а страх и угрозу жизни. Эти две противоположные точки зрения, однако, не являются взаимоисключающими; к тому же психоаналитический взгляд на этиологию травматического невроза не совпадает с теорией шока в ее простой и грубой форме. Эта теория считает непосредственной причиной шока разрушение молекулярной или даже гистологической структуры соответствующих элементов нервной системы; мы, однако, стараемся понять, не являются ли травмирующие воздействия на психику следствием любого прорыва защитного барьера, что ставит на повестку дня решение и остальных связанных с этим проблем. Мы тоже считаем, что испуг играет важную роль в возникновении невроза. Условием возникновения испуга является неготовность к тревоге, включая дефицит

запасов энергии в системах, которые должны будут первыми принять на себя поток травмирующей энергии. Из-за низкого энергетического уровня эти системы оказываются в положении, не благоприятствующем связыванию поступающего мощным потоком возбуждения, вследствие чего прорыв защитных барьеров облегчается в еще большей степени. Как мы увидим, готовность к тревоге и высокая заряженность энергией воспринимающих раздражение систем являются последней линией обороны механизмов защиты от чрезмерной стимуляции. В случаях целого ряда травм решающим для исхода фактором является разница между неготовыми к тревоге системами и системами, которые, будучи заряжены энергией, подготовлены к восприятию потока травмирующей энергии; однако если сила травмирующего воздействия превышает известный порог, то этот фактор теряет свою значимость. Так, сновидение перестает играть роль возникающего под влиянием принципа удовольствия галлюцинаторного исполнения желания, когда сны страдающего травматическим неврозом пациента регулярно возвращают его в ситуацию получения травмы. В этом случае мы должны предположить, что эти сновидения решают иную задачу и делают это прежде, чем успевает возобладать принцип удовольствия. Задача этих сновидений заключается в овладении раздражениями задним числом за счет формирования тревоги, недостаток которой и стал причиной травматического невроза. Таким образом это позволяет нам разглядеть ту функцию психического аппарата, которая, не противореча принципу удовольствия, выступает, однако, независимо от него и, по всей видимости, является более примитивной, чем функция получения удовольствия или избегания неудовольствия.

Сейчас, как мне кажется, будет уместно сказать об исключении из правила, согласно которому сны являются галлюцинаторными исполнениями желаний. Страшные сновидения не являются такими исключениями, как я уже не раз говорил и убедительно показал; не являются исключением и «сны-наказания», так как они всего лишь замещают исполнение запретных желаний соответствующими им наказаниями; можно сказать, что они исполняют желание чувства вины, каковое является ответом на отвергнутое недопустимое побуждение. Невозможно, однако, трактовать как исполнение желаний сновидения, которые мы обсуждали в связи с травматическими неврозами или появляющиеся в ходе психоанализа сновидения, в которых всплывают воспоминания о детских психических травмах. Эти сновидение скорее возникают, подчиняясь инстинктивному стремлению к повторению, хотя верно и то, что в психоанализе это устремление подкрепляется желанием (которое, в свою очередь, является результатом «внушения») воссоздать то, что было забыто и вытеснено. Представляется, таким образом, что функция сновидения,

заключающаяся в устранении мотивов, которые могли бы прервать сон для предупреждения исполнения неприятных и недопустимых желаний, не является его исходной, первоначальной функцией. Исполнение этой функции является невозможным до тех пор, пока психика целиком и полностью не подчинится принципу удовольствия. Если же существует нечто «по ту сторону принципа удовольствия», то это подкрепляет допущение о том, что были времена, когда целью сновидения еще не было исполнение желаний. Это никоим образом не противоречит его нынешней, более поздней функции. Могут ли сновидения, которые в аспекте психического связывания травмирующих впечатлений подчиняются навязчивому стремлению к повторению, иметь место вне сеансов психоанализа? Ответ здесь может быть только утвердительным.

О «военных неврозах» – в широком смысле, который включает в себя не только неврозы, связанные с физическим страданием, – я подробно писал в другом месте, где упоминал о том, что это, вероятно, те же травматические неврозы, развитие которых облегчается внутренним конфликтом в «Я»[12 - Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. Einleitung. Inter- nationale Psychoanalytische Bibliothek, Nr. 1, 1919.]. В главе II я писал, что в тех случаях, когда психической травме сопутствует тяжелое ранение, вероятность возникновения невроза уменьшается. Этому феномену можно найти объяснение, если вспомнить два факта, выявленных в ходе психоаналитических исследований. Во-первых, о том, что механическое сотрясение давно признано одним из источников полового возбуждения (см. примечания «Эффект качания и поездки по железной дороге» в «Трех статьях по теории сексуальности», 4-е издание, 1920), а во-вторых, о том, что связанные с сильной болью и высокой лихорадкой заболевания в ходе своего течения оказывают мощное влияние на перераспределение либидо. Так, хотя механический компонент травмы высвобождает значительный объем полового возбуждения, каковое в результате недостаточной готовности к тревоге оказывает травмирующее действие, одновременное нарциссическое поглощение возбуждения пораженным органом устраняет избыток этого возбуждения в психике (см. «Zur Einf?hrung des Narzissmus», 4. Folge, 1918). Хорошо известно также (хотя теория либидо пока недостаточно широко использует этот факт), что тяжелые нарушения распределения либидо, например при меланхолии, на некоторое время устраняются интеркуррентным органическим заболеванием, и даже течение шизофрении иногда становится более благоприятным при таких же условиях, когда сопутствующее телесное заболевание приводит к преходящей ремиссии психического страдания.

V

Корковый слой, воспринимающий раздражения, практически не имеет защиты от стимулов, поступающих изнутри, следствием чего является большое экономическое значение этих последних, так как мощные внутренние стимулы могут привести к нарушениям, которые можно приравнять к травматическим неврозам. Главным источником таких внутренних стимулов являются так называемые инстинкты организма, которыми представлены все исходящие из внутренних структур тела воздействия, влияющие на психику, и именно они представляют собой самый важный, но одновременно и самый темный элемент, подлежащий психологическому исследованию.

Не будет слишком опрометчивым предположение о том, что импульсы, порожденные этими инстинктами, передают не связанные, а в высшей степени подвижные возбуждения, которые реализуются нервными процессами, требующими отведения энергии. Практически все, что мы знаем об этих процессах, было почерпнуто из изучения работы сновидений. При этом мы обнаружили, что процессы в системах бессознательного разительно отличаются от процессов, происходящих в системах предсознательного и сознательного, что в системах бессознательного нервную энергию можно легко и полностью переносить, смещать и концентрировать. Однако такой подход при оценке предсознательного материала приводит к неверным результатам, так как знакомые детали реального сновидения проявились в нем только после того, как следы, оставленные дневными впечатлениями в системах предсознательного, были обработаны в психике по законам, действующим в системах бессознательного. Процессы, происходящие в бессознательном, я обозначил как «первичные» психические процессы, а процессы, происходящие в обычном бодрствующем сознании, я обозначил – в целях различения – как «вторичные». Поскольку все инстинктивные раздражения воздействуют на системы бессознательного, я едва ли открою что-то новое, если скажу, что эти импульсы подчиняются законам, по которым осуществляются первичные процессы. Повторю еще раз: очень легко отождествить первичный психический процесс с подвижной нервной энергией Брейера, а вторичный психический процесс – со связанной или тонической энергией[13 - См. раздел VII, о психологических аспектах сновидений в моем «Толковании сновидений».]. Таким образом, связывание энергии инстинктивного возбуждения, представляющего собой первичный процесс, является задачей высших областей психического аппарата. Неспособность к такому связыванию может привести к нарушениям, сходным с травматическим неврозом, ибо только после успешного связывания может осуществиться доминирование принципа удовольствия (или его модификации в форме принципа реальности). Однако до этого момента на первый план

выступает другая задача психического аппарата, а именно – торможение или связывание возбуждения, причем не в противодействии принципу удовольствия, а независимо от него и отчасти без его учета.

Проявления навязчивого стремления к повторениям (каковые мы описали в связи с психической деятельностью в раннем детстве и у взрослых на фоне психоаналитического лечения) имеют в высшей степени инстинктивный характер. В случаях, когда это стремление вступает в противоречие с принципом удовольствия, оно приобретает поистине демонический характер. Как нам представляется, дети повторяют приводящие к неприятным последствиям действия по той причине, что в этом повторении они могут воспроизводить те же впечатления активно, а не воспринимать их в роли пассивного объекта. Каждое новое повторение укрепляет ощущение доминирования, которого и добивается ребенок. Ребенок не устает повторять и действия, приносящие удовольствие; он неистощим в своем упорстве, настаивая на точном повторении, не допуская даже малейших отклонений. Позже эта черта исчезает. При повторении острота восприятия снижается; театральная пьеса при повторном просмотре не оставляет того впечатления, какое она оставила в первый раз; взрослый человек редко сразу перечитывает понравившуюся книгу. Залогом получения удовольствия во всех этих случаях является новизна. Дети, однако, всегда просят взрослого в точности повторять одну и ту же игру до тех пор, пока взрослый человек не выбивается из сил и не отказывается играть дальше. Если взрослый рассказывает ребенку прекрасную сказку, ребенок хочет снова и снова слушать именно ее, а не какую-нибудь новую историю, причем ребенок будет настаивать на точном повторении сказки, исправляя все неточности и изменения, даже если рассказчик делает это ради улучшения повествования и для того, чтобы заслужить похвалу ребенка. Все это нисколько не противоречит принципу удовольствия; идентичные повторения и идентичные приятные переживания сами по себе являются источником удовольствия.

И наоборот, в ходе психоанализа пациент в своем навязчивом стремлении к повторению событий детства в процессе переноса со всей очевидностью пренебрегает принципом удовольствия. Пациент ведет себя совершенно по-детски и таким образом демонстрирует нам, что вытесненная следовая память раннего чувственного опыта не существует в его психике в связанном виде и вследствие этого не подчиняется законам вторичных психических процессов. Именно благодаря отсутствию связанности, благодаря, кроме того, способности соединять следы воспоминаний предыдущего дня с желанными фантазиями возникает способность снова и снова включать их в сновидения. Такое

навязчивое стремление к повторениям создает препятствия для лечения, так как конечной его целью является полное освобождение пациента от врача. Можно также предположить, что темный страх, характерный для людей, далеких от психоанализа, – страх разбудить лихо, пока оно тихо, – обусловлен в конечном счете боязнью этой навязчивости, которая якобы может указывать на одержимость некоей «демонической» силой.

Но каким образом инстинктивное соотносится с навязчивым стремлением к повторению? Здесь, как нам представляется, мы сталкиваемся с универсальным свойством инстинкта, а возможно, и с универсальным свойством органической жизни как таковой, со свойством, которое до сих пор не имело не только отчетливой формулировки, но и не было осознано как феномен. Инстинктом можно назвать присущую органической жизни потребность восстанавливать прежнее положение вещей, которое было нарушено под воздействием неблагоприятных внешних сил; то есть это своего рода органическая эластичность или, если угодно, выражение инерции, присущей органической жизни[14 - Я нисколько не сомневаюсь, что похожие определения природы инстинкта неоднократно делались и раньше.].

Такой взгляд на инстинкты может показаться странным, так как мы привыкли связывать с этим понятием фактор, побуждающий к изменениям и развитию, а теперь нам предлагают видеть в них нечто совершенно противоположное, а именно выражение консервативной природы живой материи. Ниже мы рассмотрим примеры из жизни животных, и эти примеры убедят нас в том, что инстинкты действительно являются исторически обусловленным феноменом. Многие рыбы уходят на нерест в водоемы, расположенные на огромном расстоянии от места постоянного обитания этих рыб, путь туда сопряжен с трудностями и опасностями, и многие биологи считают, что рыбы просто разыскивают места своего прежнего обитания, которые им пришлось когда-то покинуть. То же самое объяснение подходит и для перелетных птиц, но мы будем избавлены от необходимости искать другие параллели, если вспомним, что самое убедительное доказательство стремления органической жизни к повторениям мы найдем в учении о наследственности и в эмбриологии. Мы видим, что зародыш животного в своем развитии повторяет (пусть даже в преходящих и упрощенных формах) структуру всех своих предков, вместо того чтобы кратчайшим путем приобрести свой законченный взрослый вид. Такое поведение эмбриона только отчасти можно объяснить механическими причинами; здесь мы ни в коем случае не должны пренебрегать объяснениями историческими. К ряду тех же феноменов относится и способность некоторых видов животных к регенерации утраченных органов.

Можно логично и обоснованно возразить, что, вероятно, помимо консервативных инстинктов, толкающих к повторениям, могут быть и другие, определяющие прогрессивное развитие и возникновение новых жизненных форм; этот аргумент нельзя оставить без внимания, и мы рассмотрим его ниже. Однако сейчас мне бы хотелось довести до логического конца гипотезу о том, что все инстинкты стремятся к восстановлению исходного, прежнего положения вещей. Возможно, наши рассуждения могут произвести впечатление надуманности или мистицизма, но на самом деле мы не заслуживаем подобных упреков, так как далеки и от того, и от другого. Мы стремимся лишь к результатам основанных на здравом смысле исследований, и наши рассуждения будут опираться только на такие результаты; в наших рассуждениях мы будем стремиться лишь к определенности, и только.

Таким образом, если мы принимаем как данность, что все присущие органической жизни инстинкты являются консервативными, приобретаются в ходе исторического развития и стремятся к восстановлению исходного положения вещей, мы можем заключить, что причину развития органической жизни следует искать во внешних, нарушающих это положение влияниях. Самое простое живое существо, начиная с момента зарождения, отнюдь не стремится ни к каким изменениям; если условия окружающего мира будут неизменны, это существо будет неизменно повторять свой жизненный цикл. Однако, в конечном счете, история развития нашей планеты и ее взаимодействия с Солнцем наложила неизгладимый отпечаток на развитие живых организмов. Каждое изменение, происходящее в живых организмах под влиянием внешних условий, воспринимается консервативными органическими инстинктами, оставляет на них свои следы и сохраняется для дальнейшего многократного воспроизведения. Таким образом создается обманчивое впечатление, будто именно инстинкты являются силами изменения и прогресса, хотя в действительности они всего лишь стремятся восстановить status quo в меняющихся условиях. Более того – это конечная цель всех устремлений органической жизни. Если бы целью жизни было абсолютно новое положение вещей, это противоречило бы консервативной природе инстинктов. Потому что живое стремится любыми, даже весьма прихотливыми путями вернуться к старому положению вещей, к исходному состоянию, от которого в тот или иной момент было вынуждено отклониться. Если мы примем это за правило, не знающее исключений, если мы согласимся с тем, что все живое умирает от внутренних причин – в результате чего снова превращается в неорганическое косное вещество, мы вынуждены будем признать, что целью всего живого является смерть, притом что верно и обратное утверждение о том, что неживое

существовало прежде живого.

Свойства жизни были некогда пробуждены в неживой косной материи под действием сил, о природе которых мы пока не имеем никакого представления. Возможно, этот процесс был сходен с процессом, который позднее привел к возникновению сознания в определенной страте живой материи. Возникшее тогда в неживой материи напряжение стремилось к быстрому сглаживанию. Так возник первый инстинкт: инстинкт возвращения в неживое состояние. В те времена первым органическим сущностям было легко умирать, ибо путь к смерти был очень коротким и направление его было задано химическим строением структур юной жизни. В течение длительного времени живая субстанция постоянно воссоздавалась и легко погибала, и так происходило до тех пор, пока внешние условия не изменились настолько, что стало возможным возникновение долгоживущих органических сущностей, отошедших в своем развитии дальше от неживой материи; соответственно, путь этих сущностей к заветной цели – гибели – стал сложнее и дольше. Эти прихотливые пути к смерти, которым неуклонно следуют консервативные инстинкты, и привели в итоге к той картине жизни, какую мы наблюдаем сегодня. Строго придерживаясь положения об исключительно консервативной природе инстинктов, мы не сможем прийти ни к какой другой идее по поводу происхождения и цели жизни.

Не менее странным, чем вышеприведенные рассуждения, выглядит их приложение к большой группе инстинктов, которые, как мы считаем, поддерживают проявления жизни в отдельных организмах. Представление об инстинкте самосохранения, каковой мы приписываем всем без исключения живым существам, абсолютно несовместимо с идеей о том, что инстинктивная жизнь сама по себе ведет к смерти. В свете изложенного выше взгляда сильно уменьшается теоретическая важность представлений об инстинкте самосохранения, инстинкте обладания и самоутверждения; по нашему мнению, это лишь парциальные инстинкты, призванные обеспечить сугубо индивидуальный путь к смерти для каждого организма, исключив другие возможности возвращения в неорганическое состояние, возможности, не имманентные для каждого данного организма, в связи с чем отпадает необходимость обосновывать загадочный, не согласующийся с другими устремлениями организма инстинкт, требующий вопреки всему сохранить жизнь этого организма. Мы остаемся с весьма простым утверждением: организм желает умереть только и исключительно своим, неповторимым и уникальным способом. Таким образом, эти хранители жизни исходно были прислужниками смерти. Здесь возникает парадоксальное положение: живой организм изо всех

сил борется с событиями (на самом деле опасностями), которые могли бы помочь ему кратчайшим путем достигнуть главной цели жизни. Но такое поведение в действительности является чисто инстинктивным – в противоположность осознанным интеллектуальным устремлениям[15 - Впрочем, обратите внимание на изложенное ниже исправление этого экстремального понимания инстинкта самосохранения.].

Но давайте подумаем; такого просто не может быть! В совершенно ином свете предстает половой инстинкт, которому в учении о неврозах отводится особое место. Не все организмы подвергаются внешнему давлению, которое вынуждало бы их к непрерывному развитию. Некоторым организмам удалось сохраниться с древности до наших дней в неизменном, абсолютно примитивном состоянии; до сих пор живут и процветают существа, которые сильно напоминают предков современных высших животных и растений. Точно так же путь развития, направленный к естественной смерти, проделывают отнюдь не все элементарные живые сущности, составляющие вкупе тела высших живых организмов. Некоторые из этих элементарных организмов, например, зародышевые клетки, вероятно, сохраняют черты первобытной живой субстанции; через некоторое время, снабженные полным набором унаследованных и приобретенных инстинктивных предрасположенностей, они покидают высший организм. Эти два свойства как раз, видимо, и сообщают им способность к независимому существованию. В благоприятных условиях они начинают развиваться – то есть повторяют то действо, благодаря которому они возникли; и это заканчивается тем, что часть этой субстанции доводит развитие до конца, а другая снова образует зародышевый остаток, снова дающий начало следующему целому организму. Таким образом, зародышевые клетки противодействуют гибели живой субстанции, обеспечивая ей потенциальное бессмертие, хотя это, возможно, лишь удлинение пути к смерти. Надо еще отметить один важнейший факт: для того чтобы зародышевая клетка смогла осуществить свою функцию, она должна слиться с другой зародышевой клеткой, которая немного отличается от первой.

Отвечающие за судьбу элементарных организмов инстинкты, переживающие целостный многоклеточный организм, который дает убежище зародышевым клеткам, беззащитным перед угрозами окружающего мира, инстинкты, отвечающие за встречу двух сливающихся зародышевых клеток, а также за многое другое, составляют группу половых инстинктов. Они консервативны в том же смысле, в каком консервативны все другие инстинкты: в своем стремлении восстановить исходное состояние живой субстанции; но консервативны они в более высокой степени в силу своей устойчивости ко

многим внешним воздействиям; консервативны они и еще в одном смысле – они сохраняют жизнь на достаточно долгий период[16 - Только этим инстинктам мы можем приписать внутреннее устремление к «прогрессу» и более совершенному развитию! (См. ниже.)]. Эти инстинкты воплощают подлинное стремление к жизни. Они противостоят всем прочим инстинктам, которые ведут индивида к смерти; этот факт указывает на противоположность между половыми и другими инстинктами, противоположность, которая давно уже была распознана в учении о неврозах. Создается впечатление, что жизнь организмов подчиняется колебательному ритму; одна группа инстинктивных влечений рвется вперед, чтобы как можно скорее привести жизнь к ее конечной цели, но есть и другая группа инстинктов, которая на середине этого пути начинает движение назад, чтобы в определенной точке движение возобновилось заново, что позволит увеличить протяженность пути. Несмотря, однако, на то что при зарождении жизни – и это совершенно очевидно – не существовало сексуальности и различения полов, все же существует вероятность того, что инстинктивные влечения, которые позднее стали описывать как половые, действовали с самого начала, и неверным представляется взгляд, согласно которому половое влечение возникло намного позже для противодействия влечениям «эго».

Сейчас мы вернемся немного назад, чтобы задаться вопросом о том, есть ли вообще основания для подобных спекуляций. Действительно ли дело обстоит так, что помимо половых инстинктов не существует инстинктов, которые не стремились бы восстановить прежнее положение вещей, что нет таких инстинктов, целью которых является положение, которое никогда ранее не было достигнуто? Мне неизвестен ни один пример из органического мира, который противоречил бы этой характеристике. Разумеется, не существует такого универсального инстинкта, который был бы устремлен к прогрессивному развитию растительного и животного царства, но, несмотря на это, такое прогрессивное развитие имеет место в реальности. Правда, с одной стороны, заявляя, что какая-то конкретная стадия развития превосходит другую, мы всего лишь высказываем наше частное мнение; с другой – биология учит нас, что более высокое в каком-то одном отношении развитие часто уравновешивается или даже перевешивается инволюцией в другом отношении. Более того – существует множество животных, о которых мы, судя по ранним стадиям их развития, можем сказать, что их развитие принимает в дальнейшем ретроградный характер. Как более высокое развитие, так и инволюция могут быть следствием адаптации к давлению внешних сил; и в обоих случаях роль инстинктов может ограничиваться сохранением вынужденных облигатных изменений в форме внутренних источников удовольствия[17 - Ференци пришел к тому же выводу несколько иным путем: «Если довести эту мысль до ее

логического завершения, мы будем вынуждены согласиться с идеей о господствующей и в органической жизни тенденции к инерции и регрессии, в то время как тенденция к прогрессивному развитию, приспособлению и т. д. проявляется только под влиянием внешних стимулов».].

Многим из нас будет трудно отказаться от веры в то, что людям присущ инстинкт, направляющий их к совершенству, приведший к высочайшим интеллектуальным достижениям, к возвышенной этике, и обещающий превратить обычного человека в сверхчеловека. Однако я не верю в существование такого внутреннего инстинкта и не вижу способа сохранить эту благостную иллюзию. Имеющее место развитие человеческих существ, как мне представляется, не нуждается в объяснении, какое отличалось бы от объяснения развития животных. То свойство, которое представлено у меньшинства людей, а именно – неутомимая тяга к дальнейшему совершенствованию, – можно легко объяснить, если рассматривать его как результат вытеснения инстинктивных влечений, на котором покоятся наиболее ценные достижения человеческой культуры. Вытесненные инстинкты ни на минуту не исчезают и продолжают требовать полного удовлетворения, которое состоит из повторения первичных переживаний удовлетворения. Никакого замещения, никаких реакций, никакой сублимации не хватит на то, чтобы полностью устранить неуступчивое напряжение вытесненного инстинкта; разница же между требуемым удовлетворением и удовлетворением реально достигнутым создает движущий момент, который не позволяет останавливаться ни на одном из достигнутых рубежей, или, говоря словами поэта, инстинкт – это «душа… стремящаяся вдаль, не вынося оков» (Гете, «Фауст», действие 1, сцена в кабинете). Путь назад, который может привести к удовлетворению, отрезан благодаря сопротивлению, поддерживающему вытеснение. Таким образом, выход только один: двигаться вперед, туда, где дорога к росту пока свободна, но это движение не имеет перспективы завершить процесс и достигнуть цели. Процессы, происходящие при формировании невротической фобии, которые суть не что иное, как попытка к бегству от удовлетворения инстинктивного влечения, являют собой пример возникновения этого мнимого инстинктивного влечения к совершенству, каковое мы определенно не можем приписать всем без исключения человеческим существам. Динамические условия для такого развития событий возникают достаточно часто, но экономические отношения, как представляется, весьма редко благоприятствуют этому феномену.

Еще одно короткое замечание. Я хочу указать на возможность того, что стремление Эроса объединять живые сущности в более крупные единицы может служить замещением «стремления к совершенству», существование коего мы не

имеем возможности признать. Феномены, которые приписывают этому мифическому стремлению, можно объяснить усилиями Эроса вкупе с эффектами вытеснения.

VI

Наши предыдущие рассуждения привели нас к отчетливому противопоставлению инстинктов «Я» и половых инстинктов, причем первые направляют к смерти, а вторые – к продолжению жизни. Но такой вывод всегда представлялся нам неудовлетворительным по многим причинам. В самом деле, только инстинктам первой группы мы имеем право приписать консервативный и даже регрессивный характер, соответствующий стремлению к повторению. Согласно высказанным нами гипотезам, инстинкты «Я» возникают вследствие превращения неодушевленной материи в органическую, и их цель – вернуть живую субстанцию в прежнее, то есть мертвое, состояние. Что же касается половых инстинктов, то здесь картина совершенно иная – несмотря на то что они способствуют воспроизведению первоначального состояния организма, их единственной реальной целью является осуществление – во что бы то ни стало – слияния двух особым образом дифференцированных зародышевых клеток. Если это слияние не происходит, зародышевая клетка гибнет так же, как и все остальные элементы многоклеточного организма. Только при условии удовлетворения полового инстинкта и осуществления половой функции может продлиться клеточная жизнь, сообщая жизни призрачное бессмертие. Но в чем заключается то важное событие в развитии живой субстанции, которое повторяется в ходе полового размножения или, как это было у предковых форм, в ходе слияния простейших одноклеточных организмов? Этого мы сказать не можем; мало того: мы испытаем громадное облегчение, если когда-нибудь выяснится, что все наши построения являются ошибочными. В этом случае будет устранено противопоставление ведущих к смерти инстинктивных влечений «Я» и сохраняющих жизнь половых инстинктов, и, таким образом, навязчивое стремление к повторениям потеряет ту важность, какую мы ему приписываем.

Давайте теперь вернемся к сделанному нами ранее допущению в надежде, что сможем категорически его опровергнуть. Мы сделали далеко идущие выводы из предположения о том, что все живое погибает от внутренних причин. Мы беззаботно приняли это предположение, потому что, собственно говоря, это не является для нас именно предположением. Мы привыкли думать, что это непреложный факт, в чем нас немало убедили наши великие поэты. Возможно, мы усвоили эту веру, потому что находим в ней утешение. Если нам суждено

умереть, если нам суждено до этого терять наших родных и близких, то нам будет легче, если мы припишем смерть действию беспощадного закона природы, величественной ?А????? (греческая богиня судьбы), а не воле случая, которого можно избежать. Вполне вероятно, однако, что эта вера во внутреннюю неизбежность смерти является всего лишь еще одной иллюзией, которую мы создали «um die Schwere des Daseins zu ertragen»[18 - «Чтоб вынести всю тяжесть бытия». Отрывок из пьесы Ф. Шиллера «Мессинская невеста», действие I, сцена 8.]. Это не первобытная вера. Идея «естественной смерти» чужда первобытным расам; всякую смерть их представители приписывают либо действиям врагов, либо козням злых духов. Поэтому мы обратимся к биологии, чтобы выяснить истоки этой веры.

Сделав это, мы тотчас убедимся в том, что по вопросу естественной смерти среди биологов нет и тени согласия, да и вся концепция смерти в их руках растекается и теряет четкость. В пользу гипотезы о смерти от естественных причин говорит тот факт, что каждый биологический вид (во всяком случае, это справедливо для высших животных) отличается средней продолжительностью жизни. Однако этому впечатлению можно противопоставить другой факт: некоторые крупные животные и гигантские растения достигают весьма и весьма преклонного возраста (в некоторых случаях он даже не поддается определению). Согласно обобщающей концепции В. Флисса (W. Fliess), все проявления жизни, а значит, и смерти организмов связаны с определенными циклами солнечного года, и эти циклы прямым образом влияют на две живые субстанции (мужскую и женскую). Но законы, предложенные Флиссом, теряют свою непреложность или, по меньшей мере, заставляют сомневаться в их справедливости, если принять во внимание, что внешние влияния могут с легкостью изменить сроки появления определенных жизненных признаков (в особенности это касается растений) – ускорить их появление или, наоборот, задержать. На наш взгляд, наибольшего внимания заслуживает трактовка вопроса о продолжительности жизни и о смерти организмов, высказанная в сочинениях А. Вейсмана (A. Weismann)[19 - «О продолжительности жизни», 1882; «О жизни и смерти», 1892; «Зародышевая плазма», 1892; и др.]. Этот ученый поделил живую субстанцию на смертную и бессмертную части; смертная часть – это тело в узком смысле этого слова, сома, и только тело подвержено естественной смерти, а зародышевые клетки потенциально бессмертны – во всяком случае, до тех пор, пока они способны в известных благоприятных условиях давать начало новому индивиду или, другими словами, окружить себя новым телом (сомой)[20 - «О жизни и смерти», 2-е изд., 1892, стр. 20.].

Здесь нас поражает неожиданная аналогия с нашими собственными взглядами – совпадение, к которому мы пришли совершенно разными путями. Вейсман смотрит на живую субстанцию глазами морфолога; он видит в ней часть, обреченную на смерть, – сому, тело, не имеющее отношение к полу и наследственности, и бессмертную часть – зародышевую плазму, которая отвечает за выживание вида, обеспечиваемое размножением. Мы, с другой стороны, занимались не живой субстанцией, а силами, ею управляющими, что привело нас к различению двух видов инстинктивных влечений: влечения первого вида ведут живое к смерти, а другие инстинктивные влечения, которые мы называем половыми, устремляют организмы к продолжению и возобновлению жизни. Это динамический вывод, который подкрепляет морфологическую теорию Вейсмана.

Однако это впечатление соответствия несколько тускнеет, как только мы знакомимся со взглядами Вейсмана на проблему смерти. Вейсман считает, что отделение смертной сомы и бессмертной зародышевой плазмы имеет место только в многоклеточных организмах, так как у одноклеточных существ индивид и зародышевая клетка идентичны – это одна и та же клетка[21 - «Продолжительность жизни», стр. 38.]. Вейсман объявляет одноклеточные организмы потенциально бессмертными, а смерть выступает как феномен только у метазоа – многоклеточных организмов. Эта смерть высших живых существ является естественной, и наступает она от внутренних причин, но причина ее заключается не в глубинных свойствах живой субстанции[22 - «Жизнь и смерть», 2-е изд., стр. 67.], и смерть нельзя понимать как некую заданность, встроенную в схему живых существ[23 - «Продолжительность жизни», стр. 33.]. Скорее смерть надо признать орудием целесообразности, проявлением приспособления к внешним условиям существования, так как после отделения соматических (телесных) клеток от зародышевой плазмы безграничная продолжительность жизни индивида становится бесцельной роскошью. Когда в многоклеточных организмах произошла эта дифференцировка, смерть стала возможной и целесообразной. С тех пор тело высших организмов начало умирать в определенный период по внутренним причинам, а простейшие одноклеточные организмы остались бессмертными. Однако не следует считать, будто размножение появилось одновременно со смертью. Размножение является древнейшим свойством живой материи – таким же как рост, на основе которого оно и возникло, – и жизнь непрерывно продолжается на Земле с момента своего зарождения[24 - «О жизни и смерти», Заключение.]. Но если смерть является поздним приобретением и естественна для высших организмов, откуда тогда взялись инстинктивные влечения к смерти, которые возникли одновременно с возникновением жизни на Земле?

Многоклеточные организмы могут умирать по внутренним причинам, к числу которых относится и несовершенство их метаболизма, но с точки зрения интересующей нас проблемы это несущественно. Изложенный здесь взгляд на смерть намного меньше противоречит нашему устоявшемуся представлению, чем странное допущение «влечения к смерти».

Насколько я могу судить, дискуссия, развернувшаяся после публикации гипотез Вейсмана, не привела ученых к единому мнению[25 - См. Max Hartmann, Tod und Fortpflanzung, 1906; Alexander Lipsch?tz, Warum wir sterben, Kosmobucher, 1914; Franz Doflein, Das Problem des Todes und der Unsterblichkeit bei den Pflanzen und Tieren, 1909.]. Некоторые авторы вернулись к взглядам А. Гётте (A. Goette,1883), который считал смерть прямым следствием размножения. Макс Хартман (Max Hartmann) характеризует смерть не появлением «трупа» отмершей части живой субстанции, а определяет ее как «прекращение индивидуального развития». В этом смысле смертны и простейшие; у них момент смерти совпадает с моментом размножения, но этот факт не вполне очевиден, потому что все вещество родительских существ непосредственно передается потомству[26 - См. там же, стр. 29.].

Вскоре после этого ученые обратили внимание на экспериментальное доказательство возможного бессмертия живой субстанции, для чего были проведены многочисленные опыты с одноклеточными организмами. Американец Вудрафф (Woodruff), работая с инфузорией-туфелькой, которая размножается продольным делением на две дочерние клетки, проследил это размножение до 3029-го поколения, после чего опыт был прекращен. Каждый раз ученый отделял одну дочернюю клетку и помещал ее в сосуд со свежей водой. Эти отдаленные потомки прародительской клетки были так же жизнеспособны, как и она сама; у них отсутствовали какие-либо признаки старения или вырождения. Тем самым – если, конечно, такие числа вообще могут служить доказательством, – было экспериментально продемонстрировано бессмертие простейших[27 - Об этом и других опытах см. Alexander Lipsch?tz, Warum wir sterben, Kosmobucher, 1914, стр. 26 и 52 и далее.].

Другие ученые получили иные результаты. Мопа (Maupas), Колкинс (Calkins) и другие, в противоположность Вудраффу, обнаружили, что после определенного числа клеточных делений дочерние инфузории становились слабее, уменьшались в размерах, теряли часть своей внутриклеточной организации и в конце концов погибали, если ученые не поддерживали их с помощью дополнительных средств. Результаты этих экспериментов (если мы примем их

как корректные) говорят нам о том, что простейшие стареют и умирают так же, как и высшие животные, а это полностью противоречит утверждениям Вейсмана, будто смерть является поздним приобретением живых организмов.

Из данных этих и других подобных экспериментов можно сделать два вывода, на которые мы можем уверенно опереться. Первый: если два одноклеточных организма получают возможность слиться (то есть выполнить копуляцию, вскоре после которой они снова разделятся и разойдутся) до того, как у них проявятся признаки старения, они тем самым избегают дальнейшего старения, то есть «омолаживаются». Копуляция, без сомнения, является предшественницей полового размножения высших организмов; сама она, собственно, не имеет отношения к размножению и ограничивается лишь смешением субстанций обеих индивидуальных клеток (амфимиксис Вейсмана). Освежающее влияние копуляции можно имитировать воздействием определенных раздражающих веществ, изменением состава питательного бульона, повышением его температуры или встряхиванием. Можно вспомнить и о знаменитом опыте Й. Лёба (J. Loeb), который стимулировал к делению яйца морских ежей, хотя в норме они начинают делиться только после оплодотворения.

Второй вывод: инфузории, по всей видимости, погибают естественной смертью в результате процессов собственной жизнедеятельности. Несовпадение результатов опытов Вудраффа с результатами опытов других его коллег обусловлено тем, что Вудрафф переносил дочерние поколения инфузорий в свежую питательную жидкость. Если бы он этого не делал, он наблюдал бы у инфузорий те же признаки старения и угасания, что и другие экспериментаторы. Вудрафф пришел к выводу, что одноклеточные страдали от продуктов метаболизма, которые они выделяли в окружающую среду. Затем он убедительно доказал, что гибельное воздействие на инфузории оказывают лишь продукты собственного метаболизма. Одноклеточные погибали, когда скапливались в большом количестве в собственной питательной жидкости, но прекрасно чувствовали себя в растворе, перенасыщенном продуктами метаболизма родственных, но других одноклеточных. Таким образом, предоставленная самой себе инфузория погибает естественной смертью из-за неспособности очищать окружающую среду от продуктов своего метаболизма; весьма возможно, однако, что такая же неспособность губит и всех высших животных.

У нас, правда, может возникнуть сомнение: имеет ли вообще смысл решать вопрос о естественной смерти на основании изучения простейших? Примитивная

организация этих живых существ, возможно, заслоняет от нас какие-то важные особенности, которые присутствуют и у них, но выявляются нашими морфологическими методами только у высших животных. Если мы отвлечемся от морфологического аспекта проблемы и обратим внимание на динамический, функциональный аспект, нам уже будет не важно, можем мы выявить естественную смерть простейших или нет. Субстанция, которую впоследствии стали считать бессмертной, сосуществует в простейших вместе со смертной субстанцией, и разделить их до сих пор никому не удалось. Инстинктивные силы, стремящиеся перевести жизнь в смерть, возможно, действуют и в организмах простейших, но их действие, вероятно, настолько скрыто силами, сохраняющими жизнь, что нам чрезвычайно трудно найти прямые доказательства действия первых. Как бы то ни было, наблюдения биологов позволяют предположить, что в организмах простейших тоже происходят процессы, ведущие к смерти. Но даже если простейшие являются бессмертными в смысле утверждений Вейсмана, его мысль, будто смерть является поздним приобретением, распространяется лишь на явные проявления смерти и отнюдь не исключает допущения о том, что и в клетках простейших осуществляются процессы, ведущие к смерти.

Наши предчувствия относительно того, что биология никогда не смирится с идеей влечения к смерти, к счастью, не оправдались, и мы можем и дальше заниматься этим влечением, если возникнет такая необходимость. Отчетливое сходство между вейсмановским разделением сомы и зародышевой плазмы и нашим подразделением инстинктов на влекущие к смерти и влекущие к жизни по-прежнему сохраняет для нас свою ценность.

Теперь мы ненадолго задержимся на дуализме взглядов на инстинктивную жизнь. Согласно взглядам Э. Геринга (E. Hering), в живой материи непрерывно идут два разнонаправленных процесса; один из них – созидание или ассимиляция, второй – разрушение или диссимиляция. Имеем ли мы право признать наличие инстинктов жизни и инстинктов смерти в этих двух противоположных направлениях жизнедеятельности? Тут есть еще одна деталь, на которую мы не можем закрыть глаза: незаметно для самих себя мы перешли на территорию философии Шопенгауэра, для которого смерть есть «подлинный результат» и цель жизни, откуда следует, что половой инстинкт в свою очередь есть воплощение воли к жизни.

Наберемся храбрости и сделаем следующий шаг. Согласно общепринятому взгляду, объединение множества клеток в жизнеспособную их совокупность –

многоклеточный организм – стало средством продления их жизни. Одни клетки помогают сохранять жизнь другим, а объединение клеток может выживать даже тогда, когда некоторые клетки гибнут. Мы уже знаем, что копуляция – временное слияние двух одноклеточных организмов – производит сохраняющий жизнь и омолаживающий эффект на обе эти клетки. Соответственно, мы можем попытаться приложить теорию либидо, разработанную в психоанализе, к изучению взаимодействия клеток. Можно предположить, что жизненные или половые инстинкты, которые активны в каждой клетке, выбирают в качестве своих объектов другие клетки, что они (инстинкты жизни) отчасти нейтрализуют влечения к смерти (то есть блокируют процессы, запущенные влечением к смерти) в этих клетках-объектах и тем самым сохраняют им жизнь; есть клетки, которые то же самое делают для самих себя, и существуют также и третьи клетки, которые жертвуют собой ради того, чтобы могла осуществиться эта либидинозная функция. Зародышевые клетки в этом случае ведут себя абсолютно «нарциссически» – если воспользоваться фразой, которую мы привычно используем в учении о неврозах для описания индивида, который удерживает либидо внутри своего «Я» и не передает энергию либидо своему объекту. Зародышевые клетки сами нуждаются в своем либидо, они используют для самих себя активность своих жизненных инстинктов, создавая резерв энергии для последующей кратковременной созидательной деятельности. Вероятно, клетки злокачественных новообразований, разрушающие организм, тоже можно назвать нарциссическими, вкладывая в определение тот же смысл. Патология приводит к тому, что организм принимает зародыши этих клеток за врожденные и обходится с ними как с эмбриональными клетками. Таким образом, либидо наших половых инстинктов совпадает по существу с Эросом поэтов и философов и является божеством, сохраняющим единство всего живого.

Теперь мы можем оглянуться назад и окинуть взглядом медленно рождавшуюся теорию либидо. В самом начале анализ невротического переноса привел нас к противопоставлению «половых влечений», направленных на внешний объект, с другими инстинктивными влечениями, природу которых мы понимали очень плохо и дали им предварительное наименование «влечений Я». Среди этих инстинктов мы в первую очередь выделяем инстинкт самосохранения индивида. У нас не было возможности указать, какие еще различения можно провести в совокупности инстинктивных влечений. Хотя бы приблизительное понимание общих характеристик и возможных отличительных черт инстинктивных влечений было бы крайне ценным фундаментом для истинной психологии, но, к сожалению, психология инстинктов пока остается самым темным ответвлением психологии. Каждый психолог сам формирует себе свой набор инстинктов и

решает, какие из них считать основными, а затем жонглирует ими так же, как греческие натурфилософы жонглировали стихиями: водой, землей, огнем и воздухом. Психоанализ, который не мог обойтись без какого-либо предварительного допущения относительно инстинктов, поначалу принял на вооружение популярную классификацию инстинктов, суть которой можно коротко охарактеризовать двумя словами: «голод и любовь». Во всяком случае, в таком выборе не было произвола; благодаря этой классификации мы смогли продвинуться вперед в изучении психоневрозов. Понятие «сексуальности» – помимо понятия «полового влечения» – по понятным причинам пришлось расширить, включив в него многое из того, что не относится к функции продолжения рода, в связи с чем поднялся большой шум в респектабельном пуританском и достаточно ханжеском обществе.

Следующий шаг был сделан, когда психоанализ нащупал путь к исследованию психологической сущности «Я», каковое прежде считали подавляющей цензорской инстанцией, способной создавать защитные структуры и сдерживающие реакции. Критически настроенные дальновидные умы уже давно возражали против концепции либидо, согласно которой его энергия ограничивалась энергией полового влечения к внешнему объекту. Однако эти люди не могли объяснить, как именно они пришли к таким выводам, и поэтому из этих их взглядов невозможно было извлечь что-то полезное для психоанализа. В дальнейшем психоаналитические исследования показали, что во многих случаях либидо отвлекается от внешнего объекта и направляется на «Я» (интроверсия); по мере же изучения развития либидо у детей, начиная с самого раннего детства, выяснилось, что подлинным и первоначальным резервуаром либидо является «Я», и именно отсюда либидо направляется на внешние объекты. «Я» заняло свое законное и даже главенствующее место среди объектов полового влечения. Либидо, направленное на «Я», было названо нарциссическим[28 - См. мою работу о нарциссизме (1914).]. Это нарциссическое либидо было, конечно, тоже проявлением силы полового инстинкта в психоаналитическом смысле этого понятия, и по необходимости его следовало отождествить с «инстинктом самосохранения», существование которого было признано с самого начала. Таким образом, противопоставление влечений «Я» и полового влечения оказалось некорректным. Выяснилось, что отчасти инстинкты «Я» являются проявлениями либидо; половые инстинкты – вероятно, наряду с другими – действуют и в «Я». Тем не менее мы можем с полным правом утверждать, что старая формула, согласно которой причина психоневрозов заключается в конфликте между влечениями «Я» и половыми влечениями, полностью сохраняет свою силу. Дело просто в том, что различение двух типов влечений, каковое носило до сих пор качественный характер, надо проводить

по-другому, а именно топографически. В частности, верно, что невротический перенос – главный предмет изучения в психоанализе – является результатом конфликта между «Я» и либидинозной энергией объектов.

Тем более необходимо подчеркнуть либидинозный характер инстинктов самосохранения теперь, когда мы делаем следующий шаг в понимании полового инстинкта как Эроса, хранителя всего живого, и происхождения нарциссического либидо «Я» из общего хранилища либидо, каковое отвечает за притяжение соматических клеток друг к другу. Правда, теперь мы неожиданно столкнулись с другим вопросом: если выясняется, что инстинкты самосохранения тоже носят либидинозный характер, то, вероятно, и все остальные инстинкты и влечения являются по сути либидинозными? Других вариантов пока не просматривается. Хотя в этом случае нам придется признать правоту критиков, которые с самого начала заподозрили, что психоанализ буквально все видит сквозь призму сексуальности, и согласиться с Юнгом, который в числе других новаторов поспешил обозначить словом «либидо» любой инстинкт вообще. А почему бы, собственно, и нет?

Наш путь к этим выводам не был задан изначально. Исходным пунктом наших рассуждений стало отчетливое различение между влечениями «Я», которые мы уравняли с влечением к смерти, и половым инстинктом, уравненным нами с влечением к жизни. Мы даже были готовы причислить так называемый инстинкт самосохранения «Я» к влечениям к смерти, однако впоследствии отказались от такого причисления. Наши взгляды с самого начала были дуалистическими, и этот дуализм с тех пор обозначился еще ярче, ибо теперь мы противопоставляем не влечения «Я» половому инстинкту, а влечение к жизни влечению к смерти. Теория либидо Юнга, в противоположность нашей, отличается монизмом, ибо он называет термином либидо единственный признаваемый им инстинкт, а это может привести к путанице; но сами мы свободны от влияния подобных воззрений. Мы полагаем, что в пределах «Я» помимо либидинозного инстинкта самосохранения действуют и другие влечения, и нам остается лишь выявить их. Однако сделать это пока очень и очень трудно – анализ «Я» к настоящему моменту слишком мало продвинулся вперед. Вполне возможно, что либидинозные влечения «Я» каким-то особым образом связаны с другими «Я»-инстинктами, пока не известными нам. Еще до того, как у нас появилось ясное представление о нарциссизме, психоаналитики высказывали предположение, что инстинкты «Я» обладают значимым либидинозным компонентом. Но поскольку это всего лишь смутные предположения, наши оппоненты едва ли обратят на них пристальное внимание. Трудность по-прежнему заключается в том, что психоанализ до сих пор не дал нам возможности выявить в пределах

«Я» какие-либо иные инстинкты, помимо либидинозных. Хотя, разумеется, это не дает нам права говорить о том, что других инстинктов не существует.

Учение об инстинктах – все еще темный лес, поэтому было бы крайне неразумно с нашей стороны отвергать идеи, которые могли бы внести хоть какую-то ясность в эту проблему. Мы начали с главного противопоставления – противопоставления инстинктов жизни и инстинктов смерти. Направленная на внешний объект любовь дает нам другой пример подобной полярности – противоположности любви (нежности) и ненависти (агрессии). Вот бы связать меж собой эти две полярности и вывести одну из них из другой!

Мы с самого начала предполагали наличие садистского компонента в половом инстинкте[29 - «Три очерка по теории сексуальности», 1905.]; как известно, этот компонент может стать независимым и полностью овладеть личностью в виде определенного полового извращения. Садизм выступает как доминирующая составная часть инстинкта в одной из «догенитальных организаций», как я это назвал. Но как можем мы вывести садистские влечения, целью которых является причинение вреда объекту, из Эроса – хранителя жизни? Не уместно ли предположить, что садизм – это влечение к смерти, которое под влиянием нарциссического либидо было отведено от «Я» и направлено в сторону внешнего объекта? Теперь это влечение к смерти начинает обслуживать половую функцию. В период оральной фазы организации либидо акт эротического обладания объектом совмещается с разрушением объекта; позже садистский инстинкт отделяется, становится самостоятельным, и, наконец, в генитальной фазе организации либидо принимает на себя задачу овладения сексуальным объектом в той степени, которая необходима для совершения полового акта. На самом деле можно сказать, что вытесненный из «Я» садизм указывает путь либидинозным компонентам полового инстинкта, которые только благодаря этому направляются на объект. В тех случаях, когда садизм не смягчается, в любовных отношениях наблюдают известную амбивалентность – сочетание любви и ненависти.

Можно сказать, если такое допущение позволительно, что таким образом мы наткнулись на пример влечения к смерти – пусть даже и смещенного. Такая точка зрения нелегко поддается пониманию и оставляет впечатление чего-то мистического. Она выглядит как сомнительная попытка любой ценой выпутаться из затруднительного положения. Вспомним, однако, что в этом допущении, собственно говоря, нет ничего нового; мы выдвигали его и раньше, когда и речи не было ни о каком затруднительном положении. В то время клинические

наблюдения привели нас к выводу о том, что мазохизм – парциальный инстинкт, комплементарный садизму, – надо понимать как садизм, обращенный против собственного «Я»[30 - См. «Три очерка по теории сексуальности», а также «Влечения и их судьбы».]. Обращение инстинкта от объекта на «Я» в принципе ничем не отличается от обращения от «Я» на объект; в настоящее время эта новая проблема активно обсуждается. Мазохизм, обращение инстинкта против собственного «Я», является в этом случае возвращением к ранней фазе инстинкта, то есть регрессом. Данное ранее определение мазохизма требует некоторой коррекции как излишне радикальное; скорее, возможно, что есть такое понятие, как первичный мазохизм, – эту возможность я тогда оспаривал[31 - В своей содержательной и интересной, хотя и не вполне, к сожалению, понятной для меня книге, Сабина Шпильрайн предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она называет садистский компонент полового инстинкта «деструктивным». (Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch fur Psychoanalyse, IV, 1912). Совершенно в ином ключе попытался А. Штерке отождествить понятие либидо с биологически обоснованным влечением к смерти (Inleiding by de vertaling van S. Freud, De sexuele beschavingsmoral etc., 1914). См. также книгу Ранка «Художник». Все эти рассуждения, как и приведенные в тексте, демонстрируют потребность в недостижимой пока ясности в вопросе об инстинктах.].

Вернемся, однако, к половым инстинктам самосохранения. Эксперименты с простейшими показали, что копуляция – слияние двух одноклеточных организмов, которые затем снова разделяются без последующего клеточного деления, – оказывает укрепляющее и омолаживающее влияние на оба организма (см. ссылку на Lipsch?tz на стр. 62). В следующих поколениях эти организмы выказывают меньше признаков дегенерации и демонстрируют большую устойчивость к воздействию продуктов их собственного метаболизма. Мне представляется, что наблюдаемое явление может служить прототипом эффектов, производимых слиянием половых клеток. Но каким образом может слияние лишь слегка отличающихся друг от друга клеток приводить к возобновлению жизни? Попытки заменить копуляцию у простейших воздействием химических и даже механических стимулов позволяют дать исчерпывающий ответ на этот вопрос: все дело в дополнительной и достаточно мощной стимуляции. Этот ответ хорошо согласуется с гипотезой о том, что процессы жизнедеятельности ведут к ослаблению химического напряжения, то есть к смерти, в то время как слияние с живой субстанцией другого организма это напряжение повышает, то есть повышает «жизненную разность потенциалов», которая затем проживается в течение некоторого времени. Для создания этого повышенного напряжения необходимы одно или несколько

оптимальных условий. Доминирующей тенденцией психической жизни, а вероятно, и жизни нервной системы вообще, является стремление к постоянству или уменьшению внутреннего напряжения, возникающего под воздействием раздражения (принцип нирваны, по выражению Барбары Лоу), стремление, проявляющееся в реализации принципа удовольствия; признание этого факта служит главной причиной нашей убежденности в существовании инстинктивного влечения к смерти.

Нашим рассуждениям ощутимо мешает тот факт, что мы не можем приписать половому инстинкту характер навязчивого стремления к повторениям, которое и натолкнуло нас на мысль об инстинктивном влечении к смерти. Эмбриология дает нам богатый материал для изучения феноменов повторения, ибо обе зародышевые клетки, участвующие в половом размножении, и их жизненный цикл являются сами по себе повторением зарождения органической жизни; однако сущность процесса, ради которого существует половая жизнь, – это слияние двух клеточных тел. Только это событие гарантирует бессмертие живой субстанции у высших организмов.

То же самое можно повторить и другими словами: нам нужно больше информации о происхождении полового размножения и полового инстинкта вообще, то есть нам надо решить задачу, которая приводит в ужас сторонних наблюдателей и которую не могут пока решить и специалисты. По этой причине мы ограничимся лишь кратким обзором того, что представляется важным для наших рассуждений, выбрав лишь некоторые из великого множества противоречивых данных и мнений.

Один из подходов срывает с проблемы покров таинственности, представляя половое размножение как разновидность роста (в сравнении с клеточным делением, проращиванием и почкованием). Возникновение размножения посредством слияния по-разному дифференцированных половых клеток можно – прибегнув к трезвому дарвинизму – представить себе таким образом, что преимущество амфимиксиса, которое в какой-то момент, благодаря случайности, получили два слившихся в процессе копуляции одноклеточных организма, было закреплено в процессе дальнейшего развития и стало использоваться повторно[32 - Правда, сам Вейсман («Das Keimplasma», 1892) это преимущество отрицает: «Оплодотворение ни в коем случае не означает омоложение или обновление, ни то ни другое не является необходимым для продолжения жизни; оплодотворение – это всего лишь инструмент, обеспечивающий возможность слияния двух различных наследственных тенденций». Вейсман считает

следствием такого слияния только повышение изменчивости живых существ.]. При таком подходе надо признать, что «пол» является достаточно поздним приобретением, и чрезвычайно мощный инстинкт, целью которого является половое соитие, повторяет то, что однажды произошло как случайность, а потом закрепилось, так как показало свое эволюционное преимущество.

Так же как в случае со смертью, возникает вопрос: правильно ли мы поступаем, приписывая простейшим только те характеристики, которые они демонстрируют, и верно ли предполагать, что силы и процессы, которые мы наблюдаем у высших организмов, возникли именно у них? Изложенный выше взгляд на сексуальность мало помогает нам в достижении этой цели. Против него можно возразить, что в нем постулируется наличие жизненных инстинктов уже у простейших жизненных форм; в противном случае копуляция была бы отвергнута в ходе эволюции как процесс, противодействующий естественному течению жизни и затрудняющий умирание. Однако в жизни мы наблюдаем совершенно обратное: копуляция не только сохранилась, но и усовершенствовалась. Таким образом, если мы не станем отказываться от концепции инстинктивного влечения к смерти, то должны будем предположить, что оно с самого начала было сопряжено с влечением к жизни. Правда, в этом случае нам уже придется решать уравнение с двумя неизвестными. Помимо этого надо признать, что науке пока нечего сказать о происхождении сексуальности, и мы можем уподобить эту проблему темному помещению, куда не проник пока ни один луч мало-мальски приемлемой гипотезы. Мы обнаруживаем такую гипотезу в совершенно другом месте, но это гипотеза такого фантастического свойства – скорее миф, чем научное объяснение, – что я не осмелился бы даже упомянуть о ней, если бы она не соответствовала одному условию, к выполнению которого стремимся и мы. Дело в том, что эта гипотеза выводит происхождение инстинкта из потребности в восстановлении прежнего положения вещей.

Естественно, я имею в виду гипотезу, которую Платон изложил в своем «Пире» устами Аристофана. В этом отрывке речь идет не только о половом инстинкте, но и о его важнейших вариациях в отношении объекта.

«Когда-то наша природа была совсем иной – не такой, как теперь. Прежде всего люди были трех полов, а не двух, как ныне – мужского и женского, ибо существовал еще и третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих… они сочетали в себе вид и наименование обоих полов…» У этих людей все органы были в двойном комплекте – четыре руки и четыре ноги, два лица, два

набора срамных частей и т. д. Тогда Зевс решил разделить каждого человека на две половины, разрезав их пополам, «как разрезают перед засолкой ягоды рябины. …И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с вожделением устремилась к другой своей половине, страстно желая срастись…»[33 - Я очень благодарен венскому профессору Генриху Гомперцу за разъяснения по поводу происхождения платоновского мифа, которые отчасти передам его же словами. Мне бы хотелось обратить ваше внимание, что практически та же самая гипотеза содержится в «Упанишадах», ибо в упанишаде «Брихад-Аранъяка», в которой описывается происхождение мира из Атмана (самости, «Я»), мы находим следующее: «…Но не чувствовал он (Атман) радости, ибо невозможно чувствовать радость, когда ты одинок. И возжелал он, чтобы рядом с ним был кто-то еще. Он был огромен и совмещал в себе мужа и жену. Эту свою самость он разъял на две части, и восстали из них муж и жена. И тогда сказал Ягнавалкья: «Мы двое (каждый из нас), как половинка ореховой скорлупы». И тогда пустоту между ними заполнила жена».Брихад-Аранъяка – самая древняя из упанишад, время ее появления датируют не позднее 800 года до н. э. Вопреки преобладающему мнению я бы не стал с порога отметать возможность заимствования платоновского мифа, пусть даже косвенно, из индийского источника, и причиной является вовсе не вера в переселение душ. Но даже, если бы такое заимствование и имело место (например, через пифагорейцев), едва ли стоит недооценивать возможность совпадения рассуждений. Конечно, Платон не стал бы присваивать себе рассказ такого рода, если бы узнал его из восточной традиции, не говоря уже о том, что придал бы значение, если бы его не поразила содержавшаяся в нем истина.В статье, посвященной тщательному исследованию этого мифа до Платона, Циглер (1913) прослеживает его происхождение до вавилонских представлений на эту тему.].

Не стоит ли нам прислушаться к поэту-философу и присмотреться к его гипотезе о том, что живая субстанция в момент своего появления разлетелась на мелкие куски, которые с тех пор стремились воссоединиться посредством полового инстинкта? Что этот инстинкт, в основе которого лежало химическое сродство, постепенно, по мере развития царства простейших, смог преодолеть трудности, созданные внешней средой с ее многочисленными опасными раздражителями и стимулами, каковые и привели к созданию защитного коркового слоя? Что эти расщепленные фрагменты живой субстанции в конце концов образовали многоклеточные организмы, которые, в свою очередь, преобразовали инстинкт воссоединения в его наиболее концентрированную форму – в форму зародышевых половых клеток? Но здесь, как мне кажется, нам стоит прерваться.

Однако сначала несколько критических замечаний. Можно спросить, разделяю ли я сам, и если да, то насколько, изложенные здесь взгляды и допущения. Отвечаю: я не уверен в правильности этих взглядов и не склоняю других их признавать. Точнее сказать: я не знаю, насколько я сам верю во все сказанное выше. И не считаю возможным в принципе использовать такие эмоционально окрашенные слова, как «вера» и «убежденность», применительно к этим гипотезам. Думаю, более конструктивным будет следующий подход: придерживаться логического мышления и следовать ему хотя бы из простого научного любопытства, или, если угодно читателю, стать advocatus diaboli, не продавая при этом ему душу. Я готов признать, что третья часть моей теории инстинктов, в отличие от первых двух, изложена менее ясно и по сути своей является развитием концепции сексуальности и гипотезы нарциссизма. Эти две новации были логическим теоретическим обоснованием наблюдений, и возможная ошибочность этих гипотез неизбежна не в большей степени, чем ошибочность любой другой гипотезы. Верно, что мои утверждения о регрессивном характере инстинктов также основаны на результатах наблюдений, а именно на навязчивом стремлении к повторениям. Возможно, конечно, что я переоценил значимость этих наблюдений, но должен заметить, что идеи такого рода невозможно исследовать без постоянного сочетания наблюдаемого материала с чисто спекулятивными рассуждениями, которые зачастую уводят далеко в сторону от эмпирических наблюдений. Чем чаще это делается в ходе построения теории, тем, как известно, меньше доверия вызывает конечный результат. Но степень недостоверности отнюдь не предопределена. Когда-то ты выстреливаешь «в десятку», когда-то – попадаешь «в молоко». Мне думается, что в работах такого рода роль «интуиции» очень невелика. Из того, что я знаю об интуиции, я могу сделать вывод, что она есть продукт интеллектуальной объективности. К несчастью, люди редко бывают беспристрастными, когда дело касается великих вопросов науки и жизни. В таких случаях каждый из нас руководствуется глубоко укоренившимися внутренними предубеждениями, и наши рассуждения неизбежно подвержены их влиянию. Поскольку у нас есть все основания для недоверия, мы и сами относимся к результатам своих исследований в лучшем случае – с холодной доброжелательностью. Спешу, однако, добавить, что эта самокритика отнюдь не предполагает терпимости к чужим мнениям. Мы имеем полное право безжалостно отвергать теории и гипотезы, противоречащие фактам, полученным в ходе психоанализа, сознавая при этом, что ценность наших гипотез может оказаться преходящей. Нас не должен сильно беспокоить тот факт, что наши суждения об инстинктивных влечениях к жизни и смерти касаются множества малопонятных и странных процессов – например, вытеснения одних инстинктов другими или переноса влечения с «Я» на объект и

т. п. Это происходит из-за того, что мы вынуждены пользоваться научными терминами, то есть образным языком, характерным для психологии (точнее, глубинной психологии). В противном случае мы были бы просто не в состоянии описывать обсуждаемые процессы, и более того – не смогли бы ничего о них узнать. Вероятно, нам удалось бы избежать этих недостатков, если бы мы могли использовать не психологические, а физиологические или биохимические понятия, которые тоже по-своему метафоричны, однако язык психологии давно нам знаком и к тому же является более простым.

Я бы даже сказал, что неопределенность наших рассуждений значительно увеличивается из-за необходимости заимствовать понятия и термины из биологии. Действительно, биология – поле неслыханных доселе возможностей. Можно надеяться, что через пару десятков лет она получит удивительные результаты, которые позволят ответить на задаваемые нами сегодня вопросы. Возможно, эти ответы сметут все здание наших искусственных и надуманных гипотез. Вы можете спросить: зачем тогда я вообще взялся рассуждать на эти щекотливые темы и в особенности зачем я решил сделать свои рассуждения публичными? Я отвечу: все дело в том, что некоторые аналогии, корреляции и соответствия в моих суждениях, на мой взгляд, заслуживают внимания[34 - Еще несколько слов для объяснения используемой терминологии, которая претерпела некоторые изменения по ходу нашей работы. Мы знали, что значит «половой инстинкт» или «половое влечение» в связи с функцией размножения. Эти наименования мы сохранили и после того, как в ходе психоаналитической работы выяснилось, что половой инстинкт тесно связан не только с размножением. После открытия нарциссического либидо и распространения концепции либидо на взаимодействие индивидуальных клеток половой инстинкт в нашем понимании превратился в Эрос – силу, которая удерживает в цельности и соединяет в функциональные единицы части живой материи. То, что обыкновенно называют половым инстинктом, стало, по нашему мнению, частью Эроса, направленного на объекты. Наши рассуждения привели нас к выводу о том, что Эрос функционирует с момента зарождения жизни в форме «влечения к жизни» в противоположность «влечению к смерти», которое возникло после того, как некая сила вдохнула жизнь в неживую материю. Эти рассуждения призваны разрешить загадку жизни, и исходить мы будем из предположения о том, что с самого начала главным признаком жизни стала борьба этих инстинктивных влечений друг с другом. Вероятно, труднее будет назвать причины, побудившие нас к трансформации понятия «влечений Я». Сначала мы использовали этот термин для обозначения всех инстинктивных влечений (о которых мы знали очень мало), отличающихся от полового инстинкта, направленного на объект; мы противопоставили инстинкты «Я» половым

влечениям, которые проявляются феноменом либидо. В ходе психоаналитического исследования «Я» пришло понимание, что часть инстинктов «Я» тоже носит либидинозный характер и имеет в качестве объекта собственное «Я» индивида. Этот нарциссический инстинкт самосохранения тоже вошел в число либидинозных половых влечений. Противопоставление направленных на «Я» инстинктов и полового инстинкта было заменено противопоставлением инстинктов, направленных на «Я», и инстинктов, направленных на объект, причем обе категории инстинктов являются по природе либидинозными. Однако появилось и новое противопоставление – между либидинозными (направленными на «Я» и на объект) и другими, присутствующими, по преимуществу в «Я» инстинктами, имеющими, вероятно, деструктивную природу. В наших рассуждениях это противопоставление трансформировалось в противопоставление влечения к жизни (Эроса) и влечения к смерти.].

VII

Если стремление к восстановлению исходного положения вещей и в самом деле является универсальным свойством любого инстинкта, становится понятным, почему многие психические процессы протекают независимо от принципа удовольствия. Этот признак присущ всем парциальным инстинктам, целью которых является возвращение к некоей более ранней стадии развития. Принцип удовольствия не управляет этими процессами, но отсюда не следует, что все эти инстинкты противодействуют принципу удовольствия, и нам еще предстоит решить проблему отношения принципа навязчивого повторения к принципу удовольствия.

Мы обнаружили, что одной из самых ранних и наиболее важных функций психического аппарата является связывание инстинктивных побуждений, воздействующих на него, и замещение доминирующего в них первичного процесса процессом вторичным, что трансформирует подвижную энергию первичных процессов в покоящуюся (тоническую) энергию вторичных процессов. Пока такая трансформация имеет место, не может быть и речи о появлении неудовольствия; но это отнюдь не означает отмену принципа удовольствия. Напротив, это замещение происходит с санкции принципа удовольствия; связывание является подготовительным действием, обеспечивающим осуществление и доминирование принципа удовольствия.

Теперь мы более отчетливо разделим понятия функции и тенденции, как мы уже не раз делали ранее. Принцип удовольствия является тенденцией, направленной на выполнение функции, отвечающей за полное освобождение психического аппарата от возбуждения, либо за поддержание возбуждения на постоянном уровне, либо на максимально низком уровне. В любом случае описанная таким способом функция будет отвечать за наиболее универсальный процесс, характерный для всей живой материи, – возвращение к покою неорганического мира. Каждый из нас может вспомнить, как достижение величайшего удовольствия, например на пике полового акта, сменяется мгновенным затуханием интенсивного возбуждения. Связывание инстинктивных импульсов является предварительной функцией, которая призвана готовить возбуждение к устранению путем его разрядки в удовольствии.

Тем самым мы теперь подошли к вопросу о том, может ли ощущение удовольствия и неудовольствия вызываться как связанными, так и несвязанными возбудительными процессами. На мой взгляд, здесь не может быть сомнений: несвязанные, или первичные, процессы возбуждают более сильные чувства любой модальности, чем процессы связанные (вторичные). Более того – первичные процессы по времени опережают процессы вторичные; при зарождении психической жизни все происходящие в психике процессы являются первичными, и, если бы в рамках этих процессов не работал принцип удовольствия, мы едва ли смогли бы распознать его в процессах более поздних стадий психической жизни. Здесь мы приходим к очень нелегкому выводу, а именно к выводу о том, что в самом начале психической жизни борьба за удовольствие была более интенсивной, чем на более поздних этапах развития психики; на ранних этапах психика подвергается воздействию множества возбуждающих факторов. Позднее доминирование принципа удовольствия становится более устойчивым, но сам он не избегает ограничений – так же как и все другие инстинктивные влечения. В любом случае, какая бы причина ни вызывала ощущение удовольствия или неудовольствия в процессе возбуждения, она должна присутствовать не только во вторичном, но и в первичном процессе.

Этот момент может стать исходной точкой для нового исследования. Наше сознание сообщает нам не только о внутренних ощущениях удовольствия или неудовольствия, но также и об особом напряжении, которое может быть либо приятным, либо неприятным. Может ли разница между этими ощущениями помочь нам в различении процессов со связанной и свободной энергией или же чувство напряжения соотносится с абсолютной величиной или уровнем нервной энергии, а чередование удовольствия и неудовольствия указывает на изменение величины энергии за единицу времени? Другой важный факт заключается в том,

что влечение к жизни чаще, чем другие инстинкты, контактирует с внутренней средой организма, выступая в роли возмутителя спокойствия и постоянно порождая напряжения, разрядка которых вызывает ощущение удовольствия, а влечения, устремленные к смерти, делают свое дело незаметно, не привлекая к себе внимания. На самом деле принцип удовольствия находится на службе влечений к смерти; он реагирует и на внешние стимулы, на которые инстинкты обоих типов реагируют как на опасность, но, тем не менее, в основном принцип удовольствия реагирует на усиление внутренней стимуляции, а это сильно осложняет задачу выживания. В связи с этим возникает множество и других вопросов, на которые у нас пока нет ответов. Надо набраться терпения и дождаться изобретения новых методов исследования и новых научных данных. Нам надо быть готовыми к изменению того курса, которым мы сейчас следуем, если мы поймем, что это путь в тупик. Только верующие, которым мнится, что наука должна заменить им утраченный катехизис, могут обвинить ученых в том, что они время от времени меняют методы исследования и отказываются от прежних взглядов. Пусть же нас утешат в нашем медленном продвижении к истине слова поэта:

«Уж коли мы летать не можем, приходится идти, хромая, кое-как…Однако ж хромота – не грех, так учит нас Писанье»[35 - Фридрих Рюккерт. Две золотые монеты.].

Я и Оно

Нижеследующее изложение является продолжением рассуждений, начало которым было положено в моем сочинении «По ту сторону принципа удовольствия» в 1920 году, и я отнесся к ним как к заслуживающим благосклонного любопытства. Они впитали в себя прежние мысли, объединили их с разнообразными фактами аналитического наблюдения, дали почву для создания новых выводов, но при этом я не стал прибегать к биологическим аналогиям, и поэтому мое новое сочинение стоит к психоанализу ближе, чем «По ту сторону…». Мои новые рассуждения скорее носят характер синтеза, а не спекуляции, и направлены к высокой цели. Я, однако, понимаю, что они требуют дополнительного осмысления, и охотно соглашаюсь с их ограниченностью.

Помимо этого здесь я касаюсь вещей, которые никогда еще не были предметом психоаналитической работы, и мне не удалось избежать упоминания теорий, которыми прикрывали свой отход от анализа некоторые бывшие психоаналитики, а также люди, никогда не занимавшиеся психоанализом. Я всегда готов высказать свою благодарность другим ученым, но в данном случае я такой благодарности не испытываю. Если психоанализ до сих пор не воздал должное некоторым научным фактам, то произошло это не потому, что он не заметил чужих достижений или пытается принизить их значимость, но лишь потому, что он идет своим собственным путем, но пока еще продвинулся по нему не слишком далеко. И, наконец, если он все же добился каких-то успехов, многие вещи в этом свете кажутся не такими, какими они представляются другим.

I. Сознание и бессознательное

В этом вводном разделе не будет сказано ничего нового, и мне не удастся избежать повторения многих вещей, неоднократно высказанных ранее.

Различение в психике сознательного и бессознательного является главной предпосылкой психоанализа, благодаря чему только психоанализ позволяет понять часто встречающиеся и важные патологические феномены психической жизни и, таким образом, стать наукой. Повторю еще раз, другими словами: психоанализ не может, по существу, приравнять сознательное к психическому, но должен рассматривать сознание как одно из качеств психического, и это качество может сочетаться с другими качествами, но не является синонимом психического.

При всем моем желании, чтобы все интересующиеся психологией прочли это эссе, мне следует быть готовым к тому, что кто-то из читателей на этом месте отложит книгу в сторону, столкнувшись с первым шибболетом психоанализа. Большинству читателей, знакомых с философией, сама идея о том, что психическое может не осознаваться, покажется настолько непостижимой, что они сочтут ее абсурдной и лишенной всякой логики. Думаю, что такое может произойти оттого, что они никогда не изучали сопутствующие гипнозу и сновидениям – я не говорю здесь о патологии – феномены, которые вынуждают к высказанному мною пониманию психического. Знакомая этим читателям психология сознания совершенно неспособна разрешить проблемы сновидений и гипноза.

«Быть в сознании» является пока термином чисто описательным, который ссылается на самое непосредственное и самое надежное восприятие. Опыт, помимо всего прочего, показывает нам, что какой-либо психический элемент, например представление, осознается, как правило, недолго. Характерно как раз то, что состояние сознания является быстротекущим; осознаваемое в данный момент представление может в следующий момент перестать быть таковым, однако при легко возникающих определенных условиях то же представление может снова стать осознаваемым. Мы не знаем, чем это представление было в промежутке; конечно, мы можем сказать, что оно стало латентным, имея при этом в виду, что оно хотя и не осознавалось, но в каждый момент могло стать доступным сознанию. Таким образом, говоря, что оно стало бессознательным, мы даем ему верное описание. Это бессознательное совпадает с латентно доступным сознанию. Философы могут, однако, возразить следующее: нет, здесь нельзя использовать термин «бессознательное», поскольку, пока представление пребывает в латентном состоянии, оно вообще не может считаться психическим феноменом. Если мы начнем возражать им в этом пункте, то ввяжемся в словесную перепалку, из которой невозможно извлечь ничего полезного.

Мы, однако, подошли к понятию бессознательного другим путем, через осмысление опытов, в которых важную роль играет психическая динамика. Мы выяснили, вернее, нам пришлось допустить, что существуют очень мощные или, иначе говоря, динамические психические процессы или представления – здесь мы имеем в виду их количественную или экономическую характеристику (вытесненные представления могут «одалживать» свою энергию осознанным представлениям), – которые все могут иметь значение для психической жизни, равно как и другие представления, а также такие их следствия, которые будут осознаваться как представления, но вызвавшие их психические феномены останутся недосягаемыми для сознания. Нет необходимости заново и детально повторять то, что уже не раз было сказано раньше. Достаточно сказать, что в этом пункте психоаналитическая теория утверждает: такие процессы могут не осознаваться, поскольку некая сила противостоит тому, чтобы они вообще доходили до сознания, но если бы такая сила отсутствовала, нам сразу стало бы ясно, как мало они отличаются от других, осознаваемых элементов психического. Эта теория непротиворечива в том, что она смогла найти в психоаналитической технике средство, с помощью которого станет возможным выявить эту противодействующую силу и сделать осознанными интересующие нас процессы и представления. Состояние, в каком находятся эти представления до их осознания, мы называем вытеснением, а силу, которая вызывает вытеснение и поддерживает его, мы в ходе аналитической работы называем сопротивлением.

Наше понятие бессознательного мы получаем, таким образом, из учения о вытеснении. Вытесненное – это прототип бессознательного, содержание истинно бессознательного. Очевидно, однако, что мы имеем бессознательное двух типов: латентное, но доступное сознанию, и вытесненное, которое само по себе и без вмешательства извне сознанию недоступно. Наше воззрение на психическую динамику не может, естественно, оставить в неприкосновенности терминологическую номенклатуру и язык описания. Мы называем латентным бессознательным только то, что является не бессознательным в динамическом смысле, а скорее предсознательным; наименованием бессознательное мы ограничиваем динамическое или вытесненное бессознательное, и таким образом мы имеем три термина: сознательное, предсознательное и бессознательное, смысл которых уже не является чисто описательным. Предсознательное, как мы считаем, стоит к сознательному намного ближе, чем бессознательное, а так как мы назвали бессознательное психическим феноменом, то уж тем более должны считать таковым предсознательное. Но почему мы не хотим согласиться с философами и последовательно отделить как бессознательное, так и предсознательное от осознаваемых психических феноменов? В этом случае философы предложили бы нам описать предсознательное и бессознательное как два типа или две ступени психоида, чем было бы установлено удобное единообразие. Но следствием такого единообразия стали бы бесконечные трудности с представлением и изложением фактов, а единственно важный факт – то, что эти психоиды почти по всем другим пунктам согласуются с общепризнанным понятием о психическом, – был бы в угоду предрассудку задвинут на задний план, – предрассудку, который возник в те времена, когда никто не знал о психоидах или о важнейших из них.

Теперь, однако, мы можем весьма комфортно распоряжаться тремя терминами: сознательным, предсознательным и бессознательным, если, конечно, не станем забывать, что в описательном смысле существуют два типа бессознательного, а в динамическом – бессознательное только одно. В некоторых случаях этим различием можно пренебречь, но в отдельных случаях без него не обойтись. Между тем мы привыкли к этой двойственности бессознательного, и она не причиняет нам никаких неудобств. Насколько я понимаю, избежать ее мы не в состоянии; различение между сознательным и бессознательным есть лишь вопрос восприятия, на который можно ответить либо «да», либо «нет», а сам акт восприятия не дает нам на этот счет никаких сведений, ибо мы не знаем, на каком основании тот или иной предмет будет или не будет воспринят сознанием. Не стоит сетовать на то, что динамическое в своем проявлении не бывает однозначным, но находит лишь двойственное выражение[36 - Ср.:

Замечания о понятии бессознательного. Собрание статей, касающихся учения о неврозах, 4-я часть. – Новая волна критики бессознательного заслуживает того, чтобы уделить здесь место ее оценке. Некоторые исследователи, которые не исключают для себя признание существующих психоаналитических фактов, не хотят признавать бессознательное и в помощь себе выдвигают неоспоримый факт, заключающийся в том, что само сознательное – как феномен – характеризуется длинным рядом градаций интенсивности или отчетливости. В то время как существуют события, которые осознаются очень живо, ярко и ощутимо, мы, с другой стороны, переживаем и другие события, которые регистрируются сознанием слабо, едва заметно, а те события, которые отложились в сознании наиболее слабо, психоанализ ошибочно трактует как бессознательное. Они, однако, могут оказаться «в сознании» и будут полностью и живо осознаны, если обратить на них достаточно пристальное внимание.Поскольку решение в таком связанном с соглашением или чувственным восприятием вопросе зависит от использования подходящих аргументов, здесь надо заметить следующее: указание на шкалу отчетливости осознанного содержит связного и доказательного не больше, чем следующие аналогичные утверждения: существует очень много градаций освещенности – от ярчайшего ослепительного света до тусклого, едва заметного свечения, и, следовательно, темноты не существует. Или: существует множество градаций проявления жизни, а следовательно, смерти не существует. Эти утверждения могут в известной мере иметь смысл, но в практическом отношении они порочны, если мы будем пытаться вывести из них определенные следствия, например: следовательно, не нужно зажигать свет; или: все организмы бессмертны. Продолжая подводить незаметное под осознаваемое, мы не достигнем ничего иного, как разрушения единственной непосредственной и надежной данности, какой вообще только и располагает психическое. Сознание, о котором не знают, представляется мне еще более абсурдным, нежели несознаваемое психическое. В конечном счете такое уподобление незаметного бессознательному пытаются произвести, очевидно, без должного внимания к динамическим отношениям, каковые играют решающую роль для психоаналитической концепции. Дело в том, что здесь упускают из вида два факта: во-первых, тот, что требуется чрезвычайно большое усилие для того, чтобы обратить внимание на такого рода незаметное, а во-вторых, даже если это и удастся сделать, то это до тех пор незаметное не будет распознано сознанием, так как покажется ему полностью чуждым, противоестественным и будет резко отвергнуто им. Отсылка бессознательного к малозаметному и незаметному является лишь отголоском того предрассудка, согласно которому тождество психического и осознанного является раз и навсегда установленной догмой.].

В ходе дальнейшей психоаналитической работы выясняется, однако, что и эти различения являются неполными и практически недостаточными. Мы можем теперь доказать эту неполноту. Нами было создано представление об упорядоченной организации психических процессов в рамках одной личности, и эту организацию мы, собственно, и называем «Я». На этом «Я» зафиксировано сознание, «Я» распоряжается способностью к подвижности, под которой мы подразумеваем сброс избыточного возбуждения вовне, в окружающий мир; «Я» – это та душевная инстанция, которая осуществляет во время бодрствования контроль над всеми отдельными процессами в сознании, а ночью осуществляет цензуру сновидений. От этого «Я» исходят и вытеснения, посредством которых известные душевные устремления исключаются из сознания, то есть из всех видов практической деятельности. Эти объекты, удаленные посредством вытеснения, перестают быть доступными для «Я», и задача психоанализа заключается в том, чтобы выявить препятствия, мешающие «Я» иметь дело с вытесненным материалом. В ходе анализа мы наблюдаем, как пациент затрудняется отвечать на некоторые вопросы; он не может ответить, если ответ предполагает сближение «Я» с вытесненным материалом. Тогда мы говорим пациенту, что причиной болезненных симптомов является неосознаваемое им сопротивление и что ему остается только одно: признать, что он является жертвой такого сопротивления, хотя, конечно, ни природа, ни вид этого сопротивления ему неизвестны. Так как это сопротивление, без сомнения, исходит из его «Я», являясь его частью, то и мы оказываемся в весьма затруднительном положении. Мы обнаружили что-то в собственно «Я», причем это что-то не осознается и ведет себя как вытесненный материал, и, для того, чтобы перевести его в сознание, нужен подход совершенно особого рода. Оставаясь в рамках привычных и общепринятых представлений, мы оказываемся среди бесчисленных неопределенностей и трудностей; так, например, будет, если мы захотим свести невроз к конфликту между сознательным и бессознательным. На место этого противопоставления мы должны, на основе нашего понимания структурных отношений внутри психики, ввести иное противопоставление, а именно: между единым связанным «Я» и отщепившимся от него вытесненным материалом[37 - См. «По ту сторону принципа удовольствия».]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

См. Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. Mit Beitraegen von Ferenczi, Simmel und F Jones. Band I der Internationalen Psychoanalytischen Bibliothek, 1919.

2

Значение игры полностью вскрылось в результате еще одного наблюдения. Однажды мать отсутствовала дома довольно продолжительное время, а по возвращении домой сын приветствовал ее возгласом: «Беби о-о-о-о!» Вначале никто ничего не понял, но потом оказалось, что за время отсутствия матери ребенок нашел способ заставить исчезнуть самого себя. Он обнаружил свое отражение в большом, доходившем почти до пола зеркале. Стоило мальчику лечь на пол, как он исчезал «прочь», а потом опять появлялся «da».

3

Когда этому ребенку было пять с половиной лет, его мать умерла. Теперь, когда она действительно исчезла «прочь» (о-о-о-о), ребенок ничем не выказывал своей печали. Родившийся незадолго до этого второй ребенок вызывал у мальчика сильнейшую ревность.

4

См. «Воспоминания о детстве в книге «Поэзия и правда»; сборник очерков по учению о неврозах (IV Folge).

5

См.: Zur Technik der Psychoanalyse II: Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten. Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, IV Folge, S. 441, 1918.

6

В другом месте я подробно разбираю вопрос о том, что такое расшатывание является следствием лечебного «внушающего воздействия», каковое здесь приходит на помощь вынужденному повторению; это внушение является следствием уступчивости больного по отношению к врачу, который воплощает для пациента объект бессознательного детско-родительского комплекса.

7

Marcinowski, Die erotischen Quellen der Minderwertigkeitsgefuhle. Zeitschrift fur Sexualwissenschaft, IV, 1918.

8

См. соответствующие замечания К. Г. Юнга в его статье «Die Bedeutung des Vaters f?r das Schicksal des Einzelnen», Jahrbuch f?r Psychoanalyse, 1, 1909.

9

Дальнейшее изложение основано на взглядах Брейера, высказанных им в теоретической части его работы «Studien ?ber Hysterie», 1895.

10

«Studien uber Hysterie» von J. Breuer und Freud, 4, 1922.

11

См. Triebe und Triebschicksale. Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, IV, 1918.

12

Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. Einleitung. Inter- nationale Psychoanalytische Bibliothek, Nr. 1, 1919.

13

См. раздел VII, о психологических аспектах сновидений в моем «Толковании сновидений».

14

Я нисколько не сомневаюсь, что похожие определения природы инстинкта неоднократно делались и раньше.

15

Впрочем, обратите внимание на изложенное ниже исправление этого экстремального понимания инстинкта самосохранения.

16

Только этим инстинктам мы можем приписать внутреннее устремление к «прогрессу» и более совершенному развитию! (См. ниже.)

17

Ференци пришел к тому же выводу несколько иным путем: «Если довести эту мысль до ее логического завершения, мы будем вынуждены согласиться с идеей о господствующей и в органической жизни тенденции к инерции и регрессии, в то время как тенденция к прогрессивному развитию, приспособлению и т. д. проявляется только под влиянием внешних стимулов».

18

«Чтоб вынести всю тяжесть бытия». Отрывок из пьесы Ф. Шиллера «Мессинская невеста», действие I, сцена 8.

19

«О продолжительности жизни», 1882; «О жизни и смерти», 1892; «Зародышевая плазма», 1892; и др.

20

«О жизни и смерти», 2-е изд., 1892, стр. 20.

21

«Продолжительность жизни», стр. 38.

22

«Жизнь и смерть», 2-е изд., стр. 67.

23

«Продолжительность жизни», стр. 33.

24

«О жизни и смерти», Заключение.

25

См. Max Hartmann, Tod und Fortpflanzung, 1906; Alexander Lipsch?tz, Warum wir sterben, Kosmobucher, 1914; Franz Doflein, Das Problem des Todes und der Unsterblichkeit bei den Pflanzen und Tieren, 1909.

26

См. там же, стр. 29.

27

Об этом и других опытах см. Alexander Lipsch?tz, Warum wir sterben, Kosmobucher, 1914, стр. 26 и 52 и далее.

28

См. мою работу о нарциссизме (1914).

29

«Три очерка по теории сексуальности», 1905.

30

См. «Три очерка по теории сексуальности», а также «Влечения и их судьбы».

31

В своей содержательной и интересной, хотя и не вполне, к сожалению, понятной для меня книге, Сабина Шпильрайн предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она называет садистский компонент полового инстинкта «деструктивным». (Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch fur Psychoanalyse, IV, 1912). Совершенно в ином ключе попытался А. Штерке отождествить понятие либидо с биологически обоснованным влечением к смерти (Inleiding by de vertaling van S. Freud, De sexuele beschavingsmoral etc., 1914). См. также книгу Ранка «Художник». Все эти рассуждения, как и приведенные в тексте, демонстрируют потребность в недостижимой пока ясности в вопросе об инстинктах.

32

Правда, сам Вейсман («Das Keimplasma», 1892) это преимущество отрицает: «Оплодотворение ни в коем случае не означает омоложение или обновление, ни то ни другое не является необходимым для продолжения жизни; оплодотворение – это всего лишь инструмент, обеспечивающий возможность слияния двух различных наследственных тенденций». Вейсман считает следствием такого слияния только повышение изменчивости живых существ.

33

Я очень благодарен венскому профессору Генриху Гомперцу за разъяснения по поводу происхождения платоновского мифа, которые отчасти передам его же словами. Мне бы хотелось обратить ваше внимание, что практически та же самая гипотеза содержится в «Упанишадах», ибо в упанишаде «Брихад-Аранъяка», в которой описывается происхождение мира из Атмана (самости, «Я»), мы находим следующее: «…Но не чувствовал он (Атман) радости, ибо невозможно чувствовать радость, когда ты одинок. И возжелал он, чтобы рядом с ним был кто-то еще. Он был огромен и совмещал в себе мужа и жену. Эту свою самость он разъял на две части, и восстали из них муж и жена. И тогда сказал Ягнавалкья: «Мы двое (каждый из нас), как половинка ореховой скорлупы». И тогда пустоту между ними заполнила жена».

Брихад-Аранъяка – самая древняя из упанишад, время ее появления датируют не позднее 800 года до н. э. Вопреки преобладающему мнению я бы не стал с порога отметать возможность заимствования платоновского мифа, пусть даже косвенно, из индийского источника, и причиной является вовсе не вера в переселение душ. Но даже, если бы такое заимствование и имело место (например, через пифагорейцев), едва ли стоит недооценивать возможность совпадения рассуждений. Конечно, Платон не стал бы присваивать себе рассказ такого рода, если бы узнал его из восточной традиции, не говоря уже о том, что придал бы значение, если бы его не поразила содержавшаяся в нем истина.

В статье, посвященной тщательному исследованию этого мифа до Платона, Циглер (1913) прослеживает его происхождение до вавилонских представлений на эту тему.

34

Еще несколько слов для объяснения используемой терминологии, которая претерпела некоторые изменения по ходу нашей работы. Мы знали, что значит «половой инстинкт» или «половое влечение» в связи с функцией размножения. Эти наименования мы сохранили и после того, как в ходе психоаналитической работы выяснилось, что половой инстинкт тесно связан не только с размножением. После открытия нарциссического либидо и распространения концепции либидо на взаимодействие индивидуальных клеток половой инстинкт в нашем понимании превратился в Эрос – силу, которая удерживает в цельности

и соединяет в функциональные единицы части живой материи. То, что обыкновенно называют половым инстинктом, стало, по нашему мнению, частью Эроса, направленного на объекты. Наши рассуждения привели нас к выводу о том, что Эрос функционирует с момента зарождения жизни в форме «влечения к жизни» в противоположность «влечению к смерти», которое возникло после того, как некая сила вдохнула жизнь в неживую материю. Эти рассуждения призваны разрешить загадку жизни, и исходить мы будем из предположения о том, что с самого начала главным признаком жизни стала борьба этих инстинктивных влечений друг с другом. Вероятно, труднее будет назвать причины, побудившие нас к трансформации понятия «влечений Я». Сначала мы использовали этот термин для обозначения всех инстинктивных влечений (о которых мы знали очень мало), отличающихся от полового инстинкта, направленного на объект; мы противопоставили инстинкты «Я» половым влечениям, которые проявляются феноменом либидо. В ходе психоаналитического исследования «Я» пришло понимание, что часть инстинктов «Я» тоже носит либидинозный характер и имеет в качестве объекта собственное «Я» индивида. Этот нарциссический инстинкт самосохранения тоже вошел в число либидинозных половых влечений. Противопоставление направленных на «Я» инстинктов и полового инстинкта было заменено противопоставлением инстинктов, направленных на «Я», и инстинктов, направленных на объект, причем обе категории инстинктов являются по природе либидинозными. Однако появилось и новое противопоставление – между либидинозными (направленными на «Я» и на объект) и другими, присутствующими, по преимуществу в «Я» инстинктами, имеющими, вероятно, деструктивную природу. В наших рассуждениях это противопоставление трансформировалось в противопоставление влечения к жизни (Эроса) и влечения к смерти.

35

Фридрих Рюккерт. Две золотые монеты.

36

Ср.: Замечания о понятии бессознательного. Собрание статей, касающихся учения о неврозах, 4-я часть. – Новая волна критики бессознательного заслуживает того, чтобы уделить здесь место ее оценке. Некоторые исследователи, которые не исключают для себя признание существующих психоаналитических фактов, не хотят признавать бессознательное и в помощь себе выдвигают неоспоримый факт, заключающийся в том, что само сознательное – как феномен – характеризуется длинным рядом градаций интенсивности или отчетливости. В то время как существуют события, которые осознаются очень живо, ярко и ощутимо, мы, с другой стороны, переживаем и другие события, которые регистрируются сознанием слабо, едва заметно, а те события, которые отложились в сознании наиболее слабо, психоанализ ошибочно трактует как бессознательное. Они, однако, могут оказаться «в сознании» и будут полностью и живо осознаны, если обратить на них достаточно пристальное внимание.

Поскольку решение в таком связанном с соглашением или чувственным восприятием вопросе зависит от использования подходящих аргументов, здесь надо заметить следующее: указание на шкалу отчетливости осознанного содержит связного и доказательного не больше, чем следующие аналогичные утверждения: существует очень много градаций освещенности – от ярчайшего ослепительного света до тусклого, едва заметного свечения, и, следовательно, темноты не существует. Или: существует множество градаций проявления жизни, а следовательно, смерти не существует. Эти утверждения могут в известной мере иметь смысл, но в практическом отношении они порочны, если мы будем пытаться вывести из них определенные следствия, например: следовательно, не нужно зажигать свет; или: все организмы бессмертны. Продолжая подводить незаметное под осознаваемое, мы не достигнем ничего иного, как разрушения единственной непосредственной и надежной данности, какой вообще только и располагает психическое. Сознание, о котором не знают, представляется мне еще более абсурдным, нежели несознаваемое психическое. В конечном счете такое уподобление незаметного бессознательному пытаются произвести, очевидно, без должного внимания к динамическим отношениям, каковые играют решающую роль для психоаналитической концепции. Дело в том, что здесь упускают из вида два факта: во-первых, тот, что требуется чрезвычайно большое усилие для того, чтобы обратить внимание на такого рода незаметное, а во-вторых, даже если это и удастся сделать, то это до тех пор незаметное не будет распознано сознанием, так как покажется ему полностью чуждым, противоестественным и будет резко отвергнуто им. Отсылка бессознательного к малозаметному и незаметному является лишь отголоском того предрассудка, согласно которому тождество психического и осознанного

является раз и навсегда установленной догмой.

37

См. «По ту сторону принципа удовольствия».

Купить: https://tellnovel.com/zigmund-freyd/ya-i-ono

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити